МИРЫ, РОЖДЕННЫЕ ВООБРАЖЕНИЕМ

НОВАЯ ИНТЕРЕСНАЯ ГАЗЕТА

Z

ПРОСТО ФАНТАСТИКА

№ 12, декабрь, 2005 год

Цена свободная

Подписной индекс 09752

Художник — Я.Кузнецова, Москва, Россия

Хороших праздников!

Редакция "Просто фантастики" от всего сердца поздравляет вас, дорогие наши читатели, с наступающими праздниками, желает хорошего настроения, просто фантастической удачи и побольше причин для радости.

В наступающем году газета приготовила вам много сюрпризов. Это и новые постоянные рубрики, и встречи с любимыми авторами, и, конечно, много интересных фантастических рассказов. А еще в 2006 году появятся тематические номера. Это, конечно, не означает, что весь январский номер вам придется читать про Деда Мороза. Но в январе вас ожидают рассказы светлые, праздничные, поднимающие настроение и вселяющие надежду на то, что все будет хорошо. Мы постараемся подобрать для вас только хорошие, добрые новости.

Однако же не стоит забывать, что в январе нас ждет Крещение — праздник, который традиционно заканчивается рассказыванием страшных историй. Не желая пугать вас на праздники, мы отвели "крещенским сказкам" февральский номер.

Конечно же, какой быть газете, прежде всего решаете вы, дорогие читатели. Поэтому пишите нам, шлите письма электронной почтой, оставляйте комментарии на наших Интернет–страничках, рассказывайте, что мы делаем не так, что бы вам хотелось поменять, добавить, убрать. Участвуйте в наших опросах, делайте газету вместе с нами.

Напоминаем наши контакты: адрес редакции (Киев, пр.Победы, 50, "Новая интересная газета") с обязательной пометкой "Для блока "Z", электронный адрес prosto_f@ukr.net, страничка в сообществе Живого Журнала по адресу: http://www.livejournal.com/community/prosto_f/, а также на сайте zhurnal.lib.ru (ссылка на раздел "Просто фантастики" ведет с его главной страницы). Также напоминаем, что для того, чтобы получать нашу газету в 2006 году, вам необходимо подписаться на нее в любом почтовом отделении Украины до 10 декабря.

Всегда ваша,
РЕДАКЦИЯ

УМЕР ДЖОН ФАУЛЗ

5 ноября в возрасте 79 лет скончался британский писатель Джон Фаулз.

Всемирную известность Фаулзу принесли романы "Женщина французского лейтенанта", "Коллекционер", "Волхв" и "Червь". По итогам общенационального опроса британцев, проведенного в 2004 году, роман Джона Фаулза "Волхв" вошел в сотню самых популярных и читаемых книг в Великобритании.

Многие книги Фаулза были экранизированы. В 1965 году на экраны вышел фильм "Коллекционер". А в 1981 году фильм по его роману "Женщина французского лейтенанта" с Мерил Стрип и Джереми Айронсом в главных ролях был номинирован на получение премии "Оскар".

По материалам Интернет–источников

ЭТОТ МЕСЯЦ В ИСТОРИИ ФАНТАСТИКИ

В этом номере газеты не просто так упоминается "Потерянный рай" Джона Мильтона. 9 декабря 1608 года Джон Мильтон появился на свет.

11 декабря 1913 года родился Жан Маре, памятный нам по многим фильмам, в том числе фантастическим, а 12 декабря справляет день рождения Чингиз Айтматов, чей "И дольше века длится день" трудно не отнести к фантастике. 13 декабря — день рождения поэта Валерия Брюсова и актера Ростислава Плятта. В декабре родились актер Семен Фарада, писатели Илья Варшавский, Север Гансовский и Альфред Бестер, поэт Адам Мицкевич; умерли Эмили Бронте, Карел Чапек и Уильям Теккерей.

Ну и, конечно, в декабре произошло истинно фантастическое событие. 14 декабря — день рождения француза, известного нам под именем Нострадамуса.

По материалам Интернет–источников

ГРЕЛКУ ПОРВАЛИ В ДЕСЯТЫЙ РАЗ

В Интернете завершился самый известный литературный конкурс — юбилейная, десятая "Рваная Грелка". Количество участников в который раз подтвердило популярность конкурса — в этот раз их было около 440, и сообща они написали более 550 рассказов.

Победителем на этот раз оказался Джу–Лисс с рассказом "Птицелов". Этот автор уже известен нашим читателям — в прошлом номере "Просто фантастики" был опубликован рассказ "Крыщухи", а в наступающем году в газете обязательно появятся другие его рассказы. Победа Джу тем более велика, что, по заявлению создателя и бессменного координатора Грелки Вадима Нестерова, более конкурс проводиться не будет.

Мы от всего сердца поздравляем победителя и желаем ему дальнейших успехов на литературном поприще.

По материалам Интернет–источников

В Киеве прошел День фантастики

С 9 по 13 ноября в помещении Экспоцентра "Спортивный" прошла Седьмая Киевская международная ярмарка "Книжковий світ". В частности, 12 ноября на выставке проходил День фантастики, организатором которого выступил, как обычно, Издательский Дом "Мой Компьютер".

На пресс-конференции, открывшей День фантастики, организаторы поделились новостями о подготовке Еврокона-2006, который будет проходить с 13 по 16 апреля в Киеве, в Украинском Доме. В рамках события пройдет множество мероприятий, как посвященных фантастике, так и рассчитанных на широкую публику. Организаторы хотят, чтобы Еврокон стал событием и для Киева, а не только для его гостей.

Авторы "Пентакля" подписывают свою книгу победителю конкурса "Cosa Nostra–2" Владимиру Данихнову

Основной оплот фантастики на ярмарке — стенд журнала "Реальность фантастики". Позируют Дмитрий Громов, Владимир Васильев, Виталий Квитка

Открытие Дня фантастики. Слева направо: Михаил Литвинюк, Андрей Валентинов, Борис Сидюк, Ираклий Вахтангишвили, Г.Л.Олди

Основная тема Еврокона–2006 — мифологическая составляющая европейских литератур, прежде всего фантастики. В рамках мероприятия заявлено несколько мастер-классов. Среди них — беспрецедентное событие: русскоязычный мастер–класс миниатюр, вести который будет пан Анджей Сапковский. Также планируются тематические мастер–классы: достигнуты договоренности по двум. Это мастер–класс по историко–мифологической фантастике, который согласился вести А.Валентинов, и мастер–класс на тему "мифология общественного сознания", который будет вести О.Дивов. Кроме того, сейчас обсуждается проведение мастер–класса по детской фантастике, вести который, скорее всего, будет издатель В.Брысник. Он, кстати, сообщил, что на Портале, прошедшем в этом году, был объявлен конкурс детской фантастики, на который пришло 64 рукописи. К Еврокону, пообещал В.Брысник, некоторые из них будут напечатаны.

Несомненно, предусмотрена еще и англоязычная часть Еврокона, в рамках которой планируется проведение ряда мероприятий от посвященных энергетике будущего (ведь 2006 год — еще и юбилейная годовщина Чернобыльской катастрофы) до рассуждений о взаимопроникновении американской и европейской культур.

Также в рамках Дня фантастики произошла символическая битва писателя А.Валентинова и художника С.Пояркова, отстаивавших разные точки зрения на американскую экспансию, в том числе в культуре. По нашему мнению, несомненную победу в споре одержал Андрей Валентинович.

Состоялся еще ряд мероприятий, на которых фантасты рассказали много нового. Так, Г.Л.Олди, который как писатель родился 13 ноября, пообещал, что вскоре сразу в двух издательствах, в русскоязычном и украиноязычном вариантах, выйдет его новая книга "Приют героев". Причем, возможно, украинский вариант появится раньше. Марина и Сергей Дяченко даже указали ориентировочное время выхода своей новой книги "Алена и Аспирин" — весна 2006 года.

День фантастики получился очень насыщенным и, на наш взгляд, удался.

ГЛАЗ НАРОДА

Как не надо писать фантастику

(штампы и штампоборчество)*

Изъюзанные персонажи (продолжение):

Художники — из всех искусств для писателей важнейшим является изобразительное (утрирую, конечно). Привлекает, видимо, сама магия нанесения изображения на холст, откуда произрастают довольно однотипные сюжеты (я не случайно употребил слово "магия", идея связана обычно именно с каким–либо "волшебным" обстоятельством художественного ремесла).

Следующая по популярности творческая профессия:

Актеры — это понятно, учитывая ее распространенность в современной массовой культуре. Естественно, что здесь мы видим ворох стереотипов, которые к реальной актерской профессии почти не имеют отношения. Гораздо меньше внимания уделено композиторам, кинорежиссерам, операторам, и почти совсем не встречается рассказов, где главный герой был бы, к примеру, аниматором, фотографом, осветителем, суфлером, костюмером, декоратором, актером кукольного театра, монтажером.

Ученые — разумеется, молодые и талантливые, если они главные герои, старые и талантливые — если они главные злодеи. Ученые, естественно, все время что–то изобретают, либо расхлебывают последствия каких–то аномалий, катастроф и т.п. А еще они — просто вещают, если их угораздило стать второстепенными персонажами (профессорами, к примеру).

Студенты — просто потому, что большинство начинающих авторов ими и являются. Несмотря на это, получаются такие персонажи на удивление блекло — как правило, про героя больше и сказать–то нечего, кроме того, что он — "простой студент". Мне не встречалось, например, на сетевых конкурсах рассказов о жизни деканов, проректоров, даже, на худой конец, профессоров — их роль ограничивается тем, что они все время читают лекции, к месту и не к месту, а вне лекциеизвержения их как бы и не существует.

Военные — гладиаторы, викингообразные варвары и тому подобные конаны, космопехотинцы, пилоты–истребители, саперы (реже — моряки, почти никогда — артиллеристы), рядовые, сержанты, лейтенанты, майоры, полковники, генералы, адмиралы, маршалы (да–да, именно американские звания, встретить простого прапора или ефрейтора, или подполковника — куда сложнее). Военные в произведениях начинающих авторов, как правило, обижены жизнью. С ними так или иначе несправедливо поступили. Их предали или не поняли. Или просто выслали в запас. Но мастерство, как мы знаем, не пропьешь, поэтому бывшие военные становятся либо благородными (ну а как иначе — главгер, все–таки) киллерами, либо — антикиллерами. Но это — от полковника и ниже. Генералы (реже маршалы и, как ни странно, почти никогда адмиралы) стремятся к захвату власти, склонны к демонстрации тупости, цинизма и амбиций, а кроме того, они изредка наблюдают за ходом сражений.

Император — как правило, космический, который правит космоимперией где–то "в одной далекой галактике". Для фэнтези это, чаще, король. Вообще называться он может по–разному, но главная характерная черта — абсолютная власть, сосредоточенная в одних руках. Император иногда бывает неплохим парнем, но чаще — все–таки плохим. Но при любом раскладе самодержец — фигура несчастная. На него постоянно сыпятся проблемы, которые он вынужден решать, с переменным успехом.

Искины — то бишь, Искусственные Интеллекты, умные машины и роботы, сюда же можно отнести их гибриды с несчастными человечками, которым насовали всяких чипов в мозги молодые и талантливые ученые.

Маги–шарлатаны — и не–шарлатаны тоже. Первые — дурачат народ, вторые — тоже подрабатывают, как могут. Нередко они занимаются своим ремеслом в мире, где водятся целые толпы характерных шаблонных персонажей: *оборотни, вампиры, эльфы, гномы, орки, тролли, драконы, единороги* — я никого не забыл? Вышеупомянутые существа вызывают особенное отвращение у большинства участников сетевых конкурсов.

Все эти оборотни–вервольфы, остроухие эльфы и прочие "гемоглобинозависимые гоминиды" конкретно задолбали. Конечно, тема не закрыта, чисто теоретически можно и на таком материале сделать хорошую вещь, но на практике — очень сложно. Как Вы думаете, где больше шансов найти грибы: на поляне, где еще никто не ходил (ну, может, один–два грибника) или на поляне, где прошли СОТНИ грибников? Я подозреваю, что на второй остались по большей части лишь гнилые ошметки. Так отчего бы фантазию не проявить, пусть даже с теми же оборотнями? Наш фольклор сколько вариантов дает: славянские оборотни и в других животных, и в растения, и в рыб, и в птиц, и в камни обращаются: Если подумать — сколько нестандартных сюжетов можно из этого вытянуть! А у нас из рассказа в рассказ прыгают усталые западноевропейские вервольфы с горящими глазами... Скучно, господа.

Такая вещь почти в любом произведении сбивает значительную долю интереса. Это как рифма "любовь–кровь". Сама по себе она и глубока, и ладна, да и попросту красива, и тот человек, который "нашел" ее первым, был, наверное, гениальным поэтом. Но после того, как эту рифму опошлили поколения графоманов, написать хорошее стихотворение с ней практически невозможно — читатель неизменно будет морщиться. Вот также и литературный образ вампиров, как и оборотней, как и эльфов и т.п. — изначально был ярок, глубок и интересен. Но теперь он опошлен. Поэтому лучше к нему не обращаться, лучше искать другие, новые образы. Если этого не сделать, произведение в любом случае будет выглядеть вторичным.

Изъюзанные приемы подачи:

"Фантастический мир" — это не фунт изюма. Перед любым писателем–фантастом стоит сложная задача — познакомить читателя с реалиями выдуманного мира, с предысторией, сюжетной ситуацией и т.п. При решении этой задачи в фантастике уже накопилось несколько штампов, использование которых заставляет морщиться и жюри конкурсов, и редакторов журналов.

Информация через монолог — самое кондовое решение задачи. С первых же строк (вариант — после завязки) вывалить всю информацию единым блоком: планета (или королевство) такая–то, раса такая–то, особенности следующие, проблемы такие–то... Думаю, даже предубежденному читателю очевиден запашок, которым веет от такой "простоты необыкновенной", однако начинающие авторы с прискорбным постоянством все равно продолжают пользовать этот бесхитростный прием. Нередко это выражается в виде "лекции профессора", о чем мы уже вели беседу прежде.

Информация через диалог — прием возник как альтернатива предыдущему. Сводится к тому, чтобы тот же самый блок информации разбить на фразы гипотетического диалога обитателей вымышленного мира. К примеру:

"– Привет, Джек! Ну что, полетим на планету Кутюк, где обитают трехголовые кляки, известные своим клякибизмом?

— Конечно, Джон! Ведь с тех пор, как правит наш император Казбалед 127–й, мы уже двадцать лет кряду летаем на Кутюк закупать клякибизм, чтобы продать его потом на Альфе-центавре, где он очень ценится.

— Да, но теперь, когда нависла угроза со стороны свирепых гуудху из созвездия Таукита, а генералы Его Величества слишком тупы и амбициозны, чтобы выиграть войну, на межзвездных дорогах стало небезопасно.

— Не беспокойся, Джон! Ведь мы летаем с помощью нейрофузонного табулятора, он искривляет пространство так, что табуляция накладывается на нейрофузу и мы оказываемся сразу в нужной нам точке пространства.

— Спасибо, Джек, что напомнил мне это, а теперь жми на табулятор и погнали к Альфе".

Конечно, я утрирую, но основной недостаток этого приема, надеюсь, стал вам четко виден: помимо того, что приемец давно уже замшел, выглядят такие диалоги в высшей степени искусственно — никто в реальном мире так не выражается и не разжевывает друг другу очевидных (в этом мире) вещей.

Продолжение следует

Юрий МАКСИМОВ, Москва, Россия

---

* *Продолжение. Начало см. в №10, 11 за 2005 год.*

НАГРАДЫ, ВРУЧЕННЫЕ НА ЗИЛАНТКОНЕ-2005

Премия Зиланта (Дюрандаль)

Наталья Петровна Илясова, директор ДК им. Ленина — за долготерпение

Мария Скатова — за серию публикаций в прессе

Самая популярная игра 2005 — "Ведьмак: нечто большее"

Самая популярная игра по кольцу конвентов — "ХИ–2004"

Литературная премия "Большой Зилант":

Людмила и Александр Белаш, "Война Кукол"

Николай Романецкий, "Убьем в себе додолу"

"Антизилант" (килограмм денег) за самое рентабельное произведение (максимальный доход при минимальных усилиях):

Александр Бушков — за серию о Свароге

По секции ролевых игр награждены грамотами:

Владимир Молодых и клуб "Золотые леса" — за глобальные события 2005 года и передачу полезного опыта

Лязгина Юлия и Дегтярев Георгий — за подготовку и проведение Муркона

Роганова Марина — за проведение игры "Сто к одному" по тематике ролевых игр

В секции толкиенистики:

за доклад "Ситуация навязанного контекста — этично ли это" Ксения Строева

за викторину по Толкиену — Марьяна Скуратовская

"Золотая пальма Фангорна":

Команда Махакама — за лучший командный отыгрыш

Еля Карева — Королева Каллантэ — за индивидуальный отыгрыш

"Серебряное копытце" — приз за организацию:

"Ведьмак: нечто большее"

"Его величество Дракон"

Менестрельник:

первое место — Халдейка (Киев)

второе место — дуэт "Тирлич" (Мурманск)

третье место — Светлана Гаврилова (Пермь)

Турнир менестрелей:

первое место — Халдейка (Киев)

второе место — Тигра (Киев)

Литсеминар:

первое место — Дмитрий Корниенко из Москвы

второе место — Альвдис

Философские идеи и их отражение в фантастике

Пожалуй, никакой другой вид литературы не был столь благодатной почвой для пропаганды философских воззрений автора, как фантастика. Если перефразировать одного из мастеров этого жанра, то можно сказать, что начало его было "засижено философами" — которые, как мне кажется, и положили ему основу. В самом деле, диалоги Платона, сочинения Томаса Мора, Джонатана Свифта и князя Федора Одоевского — фантастика в чистом виде. Однако за редким исключением: на этом начальном этапе авторы использовали данную форму лишь для доведения своих идей до сведения читающей публики, так что ХУДОЖЕСТВЕННЫМИ эти произведения можно назвать с большой натяжкой.

Во второй половине прошлого века писатели все чаще прибегают к заимствованию идей у классиков. Так, например, Артур Кларк в своем романе "Конец детства", опираясь на идеи Константина Циолковского, описывает превращение части человечества (детей) в Сверхразум. Здесь писатель "высказывает еретическую... мысль о том, что "космос — не для человека". Этим он как бы оправдывает трансформацию человечества во что-то неизвестное ("бесчувственное"?), хотя и невероятно могучее".

Френк Герберт в "Дюне", повествуя о зарождении "новой" религии мессианского толка, делает точкой отсчета ислам с его федайкинами. Главный герой романа — пассионарий, наделенный колоссальной силой предвидения, становится орудием Судьбы, вынужденным развязать крестовый поход, чтобы обновить человечество. В следующей книге цикла он сам становится жертвой своего дела. Впоследствии его сын туманно говорит о каком-то Золотом Пути человечества, ради движения по которому сначала становится Червем, а затем погибает от рук заговорщиков. Все книги цикла полны недомолвок и мистики.

Брюс Стерлинг в романе "Схизматрица" и примыкающих к нему рассказах рассматривает эволюцию человека как вида. Существа, обитающие в Солнечной системе будущего, людьми себя не считают. А так как искусственная эволюция протекает гораздо быстрее природной, то эти постчеловеческие виды дробятся на более мелкие сообщества. Возможно, с нашей, человеческой точки зрения, это больше смахивает на катастрофу, однако герои "Схизматрицы" воспринимают процесс несколько иначе — они создают новые учения, где пытаются совместить естественные науки с теологией. "Вы своими экспериментами сами роете себе могилу" — так говорит разумное орудие инопланетной расы. В какие дебри может нас завести безудержно раскручиваемая спираль прогресса? Никто из героев не знает ответа на заданный вопрос...

Художник — Deathwisher, Москва, Россия

Однако наиболее интересным мне кажется цикл Дэна Симмонса "Гиперион", в котором борьба Человека с его Творением приобретает масштабы апокалиптического противостояния (троичность человеческого Сверхразума — отсылка к весьма древним архетипам). Здесь тоже много мистики, но вся она подчинена определенной логике, и во многих случаях присутствует "якобы научное" объяснение. Это великолепно приготовленное блюдо замешано на теориях Тейяра де Шардена и Владимира Вернадского (о чем прямо говорится в книге "Восход Эндимиона").

В отечественной НФ первым по-настоящему философским произведением стала появившаяся в 1957 году "Туманность Андромеды" Ивана Ефремова. Книга сразу же произвела фурор и на несколько десятилетий стала культовой. Здесь автор попытался показать людей, психически отличных от нас настолько, что некоторые читатели считают их биороботами. Самой, пожалуй, удачной находкой Ефремова стало Великое Кольцо — союз цивилизаций Галактики, поддерживающих многосторонний радиообмен.

Севера Гансовского можно смело назвать автором первого русского киберпанка, а повесть "Часть этого мира" публиковать, как классику жанра. Написанная в 60-е, она до сих пор не утратила своей остроты. Созданный Гансовским мир — кошмарный сон о будущем нашей потребительской цивилизации (например, путешествие героев по колоссальной дикой подземке)." — А здесь люди не работали. — Ниоль подняла палец. — То есть где-то там сзади есть человеческий труд, но сама подземка спроектирована и построена почти без участия человека. Теперь она сама по себе развивается, куда-то движется, обходит препятствия. Причем никто не знает, из каких источников поступает энергия. То есть раньше знали, а потом кто-то умер, кто-то перешел в другую фирму. И получилось, что сейчас дешевле предоставить ей самостоятельность, чем разыскивать, что откуда идет. Потому что идет-то по инерции, а розыски — квалифицированный труд, дорогой." Цивилизация, дошедшая до зияющей вершины...

У Аркадия и Бориса Стругацких в "Малыше" и "Волны гасят ветер" появляется теория Вертикального прогресса — продолжения эволюции вида homo sapiens, причем в последнем люди берут эту эволюцию в свои руки: "...свою расу мы создаем собственными руками, прямо сейчас, на ходу." Здесь, как мне кажется, имеет место некая перекличка с идеями "Схизматрицы". Такое разделение человечества на два вида больно бьет по отдельным личностям: "– Ведь фактически все выглядит так, будто человечество раскалывается на высшую и низшую расы. Что может быть отвратительней?.. и между прочим, самое страшное, что раскол этот проходит через семьи, через дружбы..." — так, например, он проходит через жизни Тойво и Аси... В конце концов, людены уходят с Земли, но проблема остается.

Владимир Савченко в своем романе "За перевалом" подходит к этому вопросу иначе: у него все человечество, пройдя через "машину-матку", получает новые возможности. Здесь мы тоже видим размышления на тему биологической эволюции — которая идет параллельно с эволюцией духовной.

Стержневая идея романа Владимира Михайлова "Тогда придите, и рассудим" — человек, как часть Вселенной, тоже влияет на нее самим фактом своего существования. Сила, которая изменяет мир, возникла вместе с мыслящей материей, которая ее генерирует — об этом говорит Ульдемиру Фермер, некий демиург галактического масштаба. Михайлов создает космическую этику, устами своего персонажа высказывая мысль о том, что все в мире взаимосвязано — и, следовательно, "...непосредственно влияет, независимо от вашего желания, на процессы развития мира — причем влияние это может сказаться где-то на громадном расстоянии, а может и совсем рядом." Сила эта может быть как положительной — и тогда мир развивается, так и отрицательной — и тогда последствия бывают катастрофичны. Поэтому так важно "творить Тепло" — т. е. поддерживать те процессы, которые помогают развитию Вселенной: " — Любовь, дружба, творчество, все, что вызывает в человеке радость — вот то, что нужно миру". Идея почти религиозная...

В отличии от "Туманности..." (да и от "Тогда придите...") роман Сергея Павлова "Волшебный локон Ампары" не вызвал сколь-нибудь заметного резонанса ни у критиков, ни в фэндоме. Возможно, это объясняется временем появления — 93 год, даже закоренелым фэнам было не до того... Хотя, как мне кажется, сам роман не менее интересен и своевременен, чем вышеназванные... Итак, на свою "историческую родину" в отпуск прибывает открыватель загадочного космического объекта, названного Планаром грагал, Кирилл Корнеев. Здесь он сталкивается не только с чисто философским интересом эвархов различных орденов философско-мистической школы Ампары, но и с криминальными разборками: — мафиозное ядро ордена пейсмейкеров, входящего в ту же Школу, заинтересовано в сокрытии полученной им на Планаре информации. Кроме того, у него неожиданно пробуждаются приобретенные на Планаре сверхчеловеческие возможности... Основная линия произведения связана с осмыслением "идеи возмездия через возвратное время". Идея эта получает физическое воплощение: на Планаре Кир-Кор был наделен "Оружием Возмущения Духа" — возможностью осуществлять возмездие. Здесь Павлов интерпретирует ефремовскую идею о применении третьего закона Ньютона в плоскости социума. Пожалуй, мистико-философская ("струм-логическая", как говорят эвархи в романе) идея грядущего "времени Ампары" с его слиянием великих этико-религиозных и философских учений в единый поток — эта идея, как глобальная, в данной книге ничем не уступает идее коммунизма в более ранних произведениях отечественных авторов. К большому сожалению, за последние десятилетие после выхода этой книги я не видел ни одного отечественного произведения, подобного этому.

Лев РОСТИСЛАВСКИЙ

Майя

За окном идет снег. Густые белые хлопья покрывают бесконечную равнину, заставляют прогнуться узловатые ветви деревьев, имен которых я не знаю. Там, за окном, жутко холодно.

А здесь тепло. В моей маленькой уютной комнатке. Дома. Тихо играет музыка. Одна и та же мелодия, раз за разом, все время, всегда.

Сегодня придет Майя.

Я не видел ее уже девять дней. Не знаю, что у нее случилось: она очень скрытная. Но сегодня она обязательно придет. Не спрашивайте, откуда я это знаю. Просто — знаю. Еще ни разу я не ошибся.

Подхожу к столу и наполняю стакан водой из графина. Нужно полить фиалку. Какой-то редкий миниатюрный сорт с крошечными перистыми цветками. Это хорошо. Воды мало, и ее приходится экономить. Хорошо, что фиалки не требуют много влаги: лучше недолить, чем перелить.

Еще я протираю пыль. Ну вот откуда она тут берется?

Теперь с домашними делами покончено. Можно просто сидеть у окна, глядеть на медленно падающий снег и ждать Майю.

Я вспоминаю ее. Тоненькую. Хрупкую. С большущими сияющими глазами. Самую. В прошлый раз я опять попытался о чем-нибудь расспросить ее. Например — откуда она приходит. Майя улыбалась и молчала. Она всегда улыбается и молчит. Наверное, я люблю ее. По крайней мере, кроме нее, у меня никого нет. Только она, крошечная фиалка и единственная песня, повторяющаяся раз за разом.

Снег идет все сильнее. К утру он может совсем завалить дверь, и тогда Майя не сможет уйти. Ей придется остаться со мной, — пока не растает снег. Хочу ли я этого? Да. Хочет ли этого она? Не знаю. Наверное, нет. Иначе почему она появляется так редко? Я не хочу, чтобы она оставалась со мною против своей воли. Пусть снег прекратится. Пусть Майя уйдет, когда захочет — до следующего раза.

Я жду Майю. Я сижу у окна и гляжу на медленно падающий снег. Я хочу увидеть, как она проходит по нему, оставляя ровную цепочку следов. Я хочу увидеть ее следы. Я никогда их не видел. Иногда они мне снятся.

Дверь открывается с еле слышным щелчком. По комнате проносится легкий ветерок. Майя. Она уже сбросила шубку и ботики, оставшись в моем любимом зеленом платье.

— Ты не замерзла? — спрашиваю я.

Глупый вопрос. Майя молчит.

Я осторожно беру ее за руку и подвожу к единственному креслу. Она совсем маленькая — росту в ней, как в четырнадцатилетней девочке. Она смотрит на меня снизу вверх огромными внимательными глазищами. Я присаживаюсь на подлокотник и начинаю рассказывать.

— Знаешь, Майя, я ведь только что думал о тебе. Я всегда о тебе думаю. Ты такая... Такая необычная. Наверное, я тоже кажусь тебе странным. Мы ведь очень разные. Но раз ты приходишь ко мне, значит, я хоть немножко тебе нужен. Посмотри: на моей фиалке распустился еще один цветок.

Майя глядит на протянутый ей горшочек. Наверное, она улыбается. Мне хочется так думать, ведь по ее мордашке никогда ничего нельзя понять. Я убираю фиалку и возвращаюсь к ней.

— Майя...

Мне кажется, или в ее глазах мелькает вопрос? Я медленно наклоняюсь и целую ее волосы. Они чуть сладковатые и пахнут... Я не знаю, как назвать это запах. Они пахнут Майей.

— Знаешь, — продолжаю я. — Ведь было же время, когда я тебя не знал. Представляешь? Вот есть я, а где-то есть ты. И я не знаю о тебе, а ты обо мне. Правда, странно? Конечно, я и сейчас почти ничего о тебе не знаю. Зато я знаю, что ты есть. Извини, что я так путано говорю. Это от волнения, а еще потому, что я очень соскучился.

Майя молчит. Тихонько ежится и только иногда, редко-редко, на мгновение прикасается щекою к моей ладони.

Не знаю, сколько проходит времени: часы давно остановились. Наконец, Майя встает, мягко отодвигает мою руку и идет к двери. Теперь я могу наблюдать, как она одевается. Легкие ботики плотно облегают пушистые лапки, а вот шубка топорщится трогательным балахоном, из-за которого не видно ни очертаний фигурки, ни крошечного хвостика. Последним движением она запечатывает капюшон. Дверь прихожей закрывается с тихим щелчком. Майя исчезает — до следующего раза.

Я возвращаюсь к окну. Может быть, сегодня я смогу увидеть, как она уходит, оставляя за собой ровную цепочку следов.

Там, за окном, жутко холодно. Идет снег — так похожий на земной, но состоящий из кристаллического метана. Я один. Тихо играет музыка. Одна и та же мелодия, раз за разом, все время, всегда.

И до Земли миллион парсеков.

Аркадий РУХ,
Санкт-Петербург,
Россия

Миссия "Серенити"

Режиссер: Джосс Уэдон (сериал "Баффи — истребительница вампиров")

Производство: США, 2005

В последнее время кинорынок завален фантастикой всевозможных сортов. Но вот как-то не вдохновляет она. То штампы, то натужный пафос, а то вообще малоразумительные эксперименты вроде "Чужого против Хищника". "Миссия "Серенити" приятно выделяется на общем фоне, несмотря на активное использование жанровых клише.

Всемирный Альянс, завоевавший большую часть Галактики, выращивает воинов-ясновидящих. Но иногда программа дает сбой, а воины узнают слишком много. Ясновидящей девочке-боевику помогает сбежать брат, парочку преследует агент Альянса. Беглецов подбирают космические флибустьеры во главе с Малкольмом Рейнольдсом, когда-то сражавшимся против сил Альянса. С этого момента пиратскую команду ждут такие злоключения, что, как говорится, живые позавидуют мертвым.

Дуалистическая концепция "Добро vs Зло" уже изрядно надоела. Поэтому "Миссия" радует, прежде всего, отсутствием подобного дуализма. Здесь поступки героев рассматриваются через призму долга, чести, веры, любви. У каждого персонажа имеется четкая позиция, которую может выбрать (или не выбрать) зритель. А то и вообще "добро" и "зло" меняются местами. Посмотрите, например, на общество без грехов. И содрогнитесь.

Если же в кино вас привлекают сначала спецэффекты, а потом уже мораль, то спецэффектов в "Миссии" — воз и маленькая тележка. Космические битвы, сражения с каннибалами, восточные единоборства, футуристические пейзажи и красоты Вселенной — весь набор, чтобы доставить удовольствие гурману-визуалу.

Отдельно хочется отметить изящный, весьма остроумный юмор, который довершает благоприятное впечатление от творения Джосса Уэдона.

МИРОВОЕ ЗЛО

ВНИМАНИЕ! ОПРОС!

Как вам известно, дорогие читатели, в декабре выходит очередной фильм о всем известном подростке Гарри Поттере. В связи с этим молодым человеком мы объявляем ОПРОС.

Скажите, пожалуйста, к какому направлению в литературе, на ваш взгляд, принадлежит сага о Гарри Поттере?

1. Детская фантастика.
2. Фэнтези.
3. Сказка, не имеющая отношения к фантастике.
4. Ваш вариант.

Просим заметить, что в качестве ответа рассматривается не оценка КАЧЕСТВА произведения, а определение направления в литературе, к которому оно принадлежит.

Опрос проводится не просто так. Мы хотим выяснить, следует ли нам упоминать о Гарри на страницах газеты. В связи с этим просим вас заодно ответить на второй вопрос:

Хотите ли вы, чтобы на страницах "Просто фантастики" публиковались материалы о книгах, фильмах, играх, посвященных Гарри Поттеру?

Есть еще один вопрос, который нас очень интересует. Вот он:

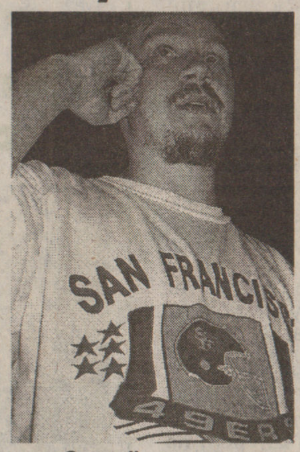
На какую книгу вы хотели бы увидеть рецензию на страницах нашей газеты в ближайшее время?

Ваши ответы с нетерпением ожидают по уже известным адресам: адресу редакции с обязательной пометкой "Для блока "Z", электронному адресу prosto_f@ukr.net, в сообществе Живого Журнала по адресу http://www.livejournal.com/community/prosto_f/, а также на сайте zhurnal.lib.ru (ссылка на раздел "Просто фантастики" ведет с его главной страницы).

Кроме того, по указанным выше адресам ждут ваших отзывов о нашей газете — от комментариев к отдельным моментам, с ней связанным, до оценки всех материалов номера по 10–балльной (или какая вам больше нравится) шкале.

Редакция

"Если с веселым прищуром смотреть на мир, то он тебе улыбается даже в самые критические моменты"

Биографическая справка:

Сергей Панарин родился 9 марта 1976 года в г.Семипалатинске. Рязанец с семнадцатилетним стажем. Закончил инженерно–экономический факультет Рязанской радиотехнической академии. Женат.

Автор команд КВН "Эльдорадио", "Лица рязанской национальности", вел юмористический раздел и был стиль–редактором в "Молодой газете", вел юмористическую рубрику в рязанской газете "Телесемь". Сейчас – экономист в фирме, работающей на рынке нефтепродуктов. В 2005 году в петербургском издательстве "Крылов" вышли книги С.Панарина в жанре юмористической фэнтези: "Волшебная самоволка. Флаг вам в руки", "Волшебная самоволка. Барабан на шею", "Харри Проглоттер и волшебная Шаурматрица", "Харри Проглоттер и Ордер Феликса".

— Сергей, как получилась такая, практически, пулеметная очередь: три книги в течение пары месяцев?

— Это у издателей лучше спросить. Первого "Харри..." они у меня приняли еще два года назад.

— Но сначала вышла "Флаг вам в руки":

— С ней — такая история. Одобрив "Шаурматрицу", издательство предложило мне подумать над юмористическим, но не пародийным романом. "Что–нибудь в духе Белянина", — так было сказано. У Белянина, если помнишь, наш милиционер попадает во времена легендарного царя Гороха. Я и предложил: есть же замечательные немецкие сказки, которые с легкой руки братьев Гримм почему–то принято считать детскими. Например, такой "детский" сюжет: жили–были король с королевой, и было у них двенадцать детей, все — мальчики. Просыпается как–то утром король и говорит жене: "Если тринадцатый ребенок, которого ты родишь, будет девочкой, то мальчиков придется убить, чтобы у нашей дочери было больше богатства и все королевство досталось ей одной". И повелел король сделать двенадцать гробиков...

Мне стало интересно исследовать мир, населенный героями с такой, мягко говоря, странной мотивацией, столкнув их с нашими современниками.

— В книге "в гостях у сказки" оказываются рядовой–первогодок и отправившийся за ним следом прапорщик. Они у тебя вышли очень выпуклыми, осязаемыми. Ты ведь не служил, откуда такое знание деталей?

— Ну, во–первых, в Семипалатинске я жил рядом с военным городком, и с армейским бытом, с типажами знаком все–таки не понаслышке. Во–вторых, с деталями очень помог Юрий Гаврюченков, питерский автор, бывший морпех, редактор–составитель криминальной серии "Крылова". Он, собственно, и привел меня в издательство.

— Что значит привел?

— Я выкладывал тексты в Интернет, на своей странице портала "Самиздат" (http://zhurnal.lib.ru/p/panarin_s_w). Юрий прочел, сказал, что это как раз то, что нужно.

— То есть, ты не бомбардировал издательства своими рукописями? Сами нашли и предложили напечатать? И денег дали?

— Да.

— Много?

— Ну, на жизнь я все–таки зарабатываю, трудясь по основной специальности. А писательство — это пока хобби.

— Недоходное?

— Смотря, что писать. Один известный продюсер как–то заказал мне сценарий матерной аудиосказочки. Такой внутритусовочный проект "для своих". За несколько страничек текста я получил сумму, сопоставимую с гонораром за первый роман.

— Как домашние относятся к твоему творчеству? И к результату, и к процессу?

— С пониманием. Понимают, что если отвлекать в процессе, результат разочарует. Я стараюсь строить распорядок дня так, чтобы не сильно надолго "покидать" семью, отворачиваясь к экрану компьютера. Правда, не всегда получается. Но жена, к примеру, стоически терпит мои приступы "хозяйственного пофигизма". За что ей огромное спасибо! А уж если она после чтения нового текста выдавливает из себя "Ну–ну...", значит, кое–что у меня получилось.

Подрастет дочь — будет два сверхкритика. Страшно.

— Судя по тому, что написано у тебя на Интернет–странице, "Харри Проглоттер..." был написан за месяц. Такая производительность для тебя — норма?

— Пожалуй, да. Месяц — это предельный минимум. Вторая "Самоволка" написана за два. Заметил за собой: чем дольше пишу, тем мучительнее процесс. А в развлекательном романе читатель наверняка почувствует этот авторский "напряг". Поэтому сначала накапливаю кураж, потом ловлю и — поехали.

— Твои книги — это сумасшедший каскад шуток. Обычно авторы–юмористы компенсируют веселость своих произведений угрюмостью и мизантропией в жизни. Ты же и в жизни не производишь впечатления человека мрачного и замкнутого. Откуда черпаешь оптимизм? Открой источник!

— Мрачного?.. Думаю, это стереотип. Есть Гарри Гаррисон, Роберт Асприн — известные всему миру авторы–иронисты, которые и в книгах, и в жизни — "ходячие праздники". Лучше, наверное, равняться на них.

А где источник оптимизма?.. Кабы знать, так можно было бы озолотиться, торгуя рецептурой: "Осчастливлю с одного сеанса! Оптимизм оптом!" и телефончик. После долгих серьезных размышлений могу сказать одно: оптимизм — штука встроенная. В жизни навалом "чернухи", но зачем на ней зацикливаться? Ведь так в ней и останешься. Если с веселым прищуром смотреть на мир, то он тебе улыбается даже в самые критические моменты. Если же сдвинуть брови и насупиться, то картинка "поплывет".

— А что с КВН? Бросил?

— Нет, не бросил. Просто сейчас межсезонье.

— Даже история с воровством шуток не отвратила?

— Ну, история на самом деле темная. Хотя с другой стороны — самая обыкновенная. В свое время, еще в прошлом тысячелетии, играя за команду "Эльдорадио", я придумал репризу: Хулио Иглесиас затеял совместный проект с Валентиной Толкуновой. Проект называется "Хулио Толку". Шуточка на грани фола, в Рязани долго не решались показать — год лежала "в резерве". А потом и в Рязани, и на всех выездных играх она, что называется, "рвала" зал. Ну, понятно — практически матом, со сцены, в микрофон... В общем, "Эльдорадио" показала этот номер где только можно. И вот в Рязань приехали "Утомленные солнцем". И дают эту репризу, как свою...

Конечно, юмор — вещь такая, бывает, что одна и та же шутка приходит в голову разным людям. Например: "И за борт ее бросает в надлежащую волну"? Любой человек, столкнувшийся с канцелярским языком и помнящий песню про Стеньку Разина, гарантированно додумается до этой хохмы. И будет горд собой, пока не найдет ее в записных книжках Ильфа.

— "Какой удар со стороны классика!" И все–таки, не обидно? Ведь сочинцы–то явно "прихватизировали" твою шутку. Или, по крайней мере, не озаботились проверить, шутил ли так кто–то до них.

— Да нет! Не обидно, — смешно. Я всегда говорю: "Не жалко, еще придумаем". Сейчас на сайте "АМиКа" КВНщики создали базу, где каждая команда регистрирует придуманные ей шутки. Они это затеяли, "чтобы Петросян не воровал". Забавно бывает проглядывать базу: смотришь, от команды из Урюпинска какая–нибудь свежая хохма. А ты ее придумал лет пять назад для рязанского КВН.

Беседовал Сергей ЦВЕТКОВ
Фото автора

Илья Новак — киевский автор, популярность которого растет день ото дня. Как помнят наши постоянные читатели, на Евроконе–2005 он был назван в числе лучших дебютантов Европы. Его рассказы и романы отличаются от других и легко узнаваемы особой атмосферой. В этом номере "Просто фантастики" мы предлагаем вашему вниманию один из рассказов Ильи, а в январе вас ждет интервью с писателем.

Ритм

Брюнет, тридцать пять лет, жене тридцать, ребенку шесть. Совладелец ювелирной фирмы, сам бывший ювелир, хорошо зарабатывает: дорогая иномарка и четырехкомнатная квартира в центре. Недавно начал лысеть и толстеть, а раньше нравился женщинам.

Все давно предопределено. Восемь часов, подъем (с утра всегда раздраженный, но после первой чашки кофе и первой сигареты отпускает), жена еще спит — она не работает. Воспитывает ребенка. Завтрак, костюм, черный галстук, черный портфель из дорогой кожи, и в машине на работу, там — кабинет и секретарь–референт.

Обычные дела, обед в небольшом ресторанчике, он любит фаршированные куриные ножки и стейк с кровью. Вторая чашка кофе, десятая сигарета. У референта длинные ноги, стрижка под мальчика. Она заразительно смеется, любит носить короткие красные юбки и туфли на шпильках. Бывает, задерживается, когда остальные уже ушли, он заводит ее в кабинет, она сама садится на стол и приподнимает красную юбку. Он часто дарит ей духи, но не слишком дорогие. Супруга у него умная, наверное, о чем–то догадывается, а может и нет.

Вечером ужин, ребенок, телевизор, жена и детектив. В постели он все чаще сразу же поворачивается к ней спиной и засыпает. В субботу преферанс с двумя сослуживцами по десять центов за вист. По воскресеньям иногда театр, который он не переносит, а она любит, иногда кино или в парке прогулка с ребенком. Порою ссорятся, но не часто, жена боится, что он уйдет, а ведь она уже не так привлекательна, как раньше, да и ребенок...

Утром в понедельник он, побрившись, долго стоит перед зеркалом и трогает щеки, оттягивает веки, смотрит в глаза отражению. С отрешенным лицом, позабыв черный портфель на стуле, выходит, не повязав галстука, не заперев за собой дверь. На скамейке старушка, здоровается с ним, он не замечает. Как раз солнце выбралось из–за облака — лето, жара. Вздрогнув, он медленно поднимает голову, глядит прямо на солнце. Очень ярко, он видит луч, окруженный радужными кольцами. Ослеплен, но смотрит, не отрываясь, луч гудит в его глазах, мир растапливается в жидкое золото, и все же лучше видеть это, чем жену, ребенка, театр, кино, парк, утренний кофе, костюм, черный портфель, черный галстук, машину, кабинет и красную юбку референта. Мир плывет яркими кляксами, луч по глазному нерву проникает в голову и бьется там, звонко пульсирует в такт ударам сердца. Старушка подслеповата, очки забыла дома: видит жгучее оранжевое облако, а в нем никого, только тень мелькнула — и пропала.

Когда на работе он не появляется вовремя, референт звонит домой жене, и узнает, что он ушел, почему–то оставив портфель, да и машина стоит во дворе. Ждут до пяти вечера, а дальше подымают переполох — на следующий день милиция в квартире, милиция на работе, допрашивают референта и сослуживцев, допрашивают жену, наверно, подозревают ее. Но доказать ничего нельзя, а он так и не появляется. Истерика жены недолгая, надо ведь переоформить квартиру, да и других забот много.

Совладелец фирмы предлагает деньги за долю супруга. Но она уже не девчонка, взрослая женщина, и хочет получать проценты от прибыли. Адвокат, суд, апелляция, продажа одной квартиры и покупка другой, еще один адвокат, который помогает отвоевать свою долю в доходах.

Второй адвокат молодой, симпатичный, интеллигентный. В конце концов поселяется с ней и ребенком в новой квартире.

Ребенку он нравится больше, чем прежний папа.

... Совсем другое место, куда он проник по солнечному лучу. После трех лет скитаний и острога выпала удача — сломался перстень с аметистом у старшего тюремщика, и он вызвался починить, хотя за такую работу не взялся бы ни один местный ювелирных дел мастер. А он смог. Тюремщик старый друг городского мага. Тот заинтересовался, самолично пришел в тюрьму с заказом: сделаешь свадебное кольцо для дочери? Примитивные инструменты, но былое умение никуда не делось. Хотя дочь мага замуж в тот раз так и не вышла, жениха зарезали налетевшие на город лесные кентавры.

Теперь в почете, заказов много. Здесь всегда сыро, постоянные дожди, такой плохой климат. Ему уже сорок, ребенку год, а жене двадцать, и она носит то самое кольцо, все–таки пригодилось. Он хозяин ювелирной лавки, лучшей в городе. Дорогая карета, дом возле главной площади, пристройка с мастерской. Уже совсем лысый, но зато опять похудел.

Встает, когда на дворе еще темно, по утрам всегда раздраженный (жена спешит напоить его кофием). Сигарет нет, курит трубку. Потом жена хлопочет по хозяйству, а он, надев фартук, идет в мастерскую. Обычная работа, обед в трактире неподалеку, он любит филейную вырезку из единорога и яйца гарпий на десерт. Кофий очень дорогой, привозят с южных островов, но он богат и после обеда позволяет себе одну чашку. Хозяйка трактира — вдова, любит носить длинные синие юбки. У нее пышный бюст и красивые рыжие волосы. Иногда она заводит его в кладовку, ложится грудью на бочонок и сама поднимает юбку. Он дарит ей сделанные им украшения, те, что подешевле. Жена ни о чем не догадывается.

Только поздно вечером он возвращается из мастерской, ведь здесь нет телевизоров или детективов, чтобы почитать перед сном. По субботам обязательный визит к тестю–магу, куда приходит еще старший тюремщик, с которым они играют в кости. Иногда ярмарки, он их не переносит, а жена очень любит, порой прогулка с ребенком по аллее возле площади. Они никогда не ссорятся, молодая жена глупа и боготворит его.

Ритм определен давно: мастерская, хозяйка трактира, бочонок в кладовке и синяя юбка, магия огненных пентаграмм, дикие кентавры в лесах вокруг городской стены, маг, тюремщик, гарпии, единороги, ярмарки, ребенок, жена.

В постели он все чаще сразу поворачивается к ней спиной и засыпает, смутно понимая, что сейчас стало хуже, чем прежде, потому что отрезан последний путь к отступлению.

И дома, и в мастерской, и в таверне — изо дня в день все почти то же самое.

Но здесь всегда пасмурно.

Илья НОВАК, Киев, Украина

Художник — В.НОЧКИН, Кельн, Германия

НОВОСТИ КИНО

Колдуны водятся не только в Хогвартсе

Николас Кэйдж будет исполнительным продюсером "Файлов Дрездена" (The Dresden Files), двухчасового пилотного фильма возможного телесериала, который планируется запустить будущим летом на SCI FI Channel. Производством картины займется студия Lions Gate Television и компания Кэйджа Saturn Films. Лента основана на одноименном цикле фэнтезийных романов Джима Батчера, где рассказано о приключениях чикагского частного детектива и колдуна Гарри Дрездена. Сценарий пилота написали Ганс Баймлер и Роберт Вольф.

"Темные начала" — на большом экране

Популярное детское фэнтези "Темные начала" английского писателя Филипа Пулмана экранизирует компания New Line Cinema. Режиссером выбран англичанин Ананд Такер. Напомним, что "Темные начала" (His Dark Materials) Пулмана часто называют альтернативой "Гарри Поттеру". Это трилогия, повествующая о девочке Лире Белакве, которая живет в волшебном мире, соприкасающемся с миром реальным. Романы из трилогии были удостоены множества премий, в том числе Уитбредовской — за лучшую детскую книгу. Ф. Пулмана упрекали в антиклерикальности, но хвалили за использование современных научных концепций.

New Line Cinema очень долго выбирала режиссера для "Темных начал": переговоры велись с пятьюдесятью кандидатами. Утвержденный ранее Крис Вейц отказался сам, ссылаясь на "исключительные технические трудности". Он, впрочем, продолжит работу над "Началами", но уже в качестве сценариста.

Многие книги Пулмана уже переведены на русский язык: это не только "Темные начала", но и тетралогия "Таинственные приключения Салли Локхарт", и еще два романа вне серий.

По материалам интернет–источников

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Уважаемые авторы "Новой интересной газеты"! Вместе с материалами просим высылать также копию справки с вашим идентификационным кодом, на которой указать паспортные данные и адрес прописки. Начисление и выплата гонорара без данной справки невозможны.

Редакция "Новой интересной газеты" просит всех авторов, чьи материалы опубликованы в 2005 г., сообщить свои идентификационные коды.

Редколлегия "НИГ"

Драконоведение по-казански

Этот город появляется раз в год ровно на четыре дня и собирает на огромный праздник всех сказочных существ нашего мира. Есть в этом городе недо-дракон, который мечтает стать драконом, и охотница на драконов, которая всю жизнь мечтала победить дракона, да так никого, кроме этого недо-дракона, и не встретила... Но поверьте, у этой парочки все хорошо (скажу по секрету — они счастливые влюбленные), потому что в этом городе чудеса возможны. И называется этот город — Зиланткон.

История Зиланта началась в конце восьмидесятых. Сначала это была просто тусовка толкиенистов, которая постепенно начала оформляться в полноценный конвент, а в 1991 году таки стала им и получила название Зиланткон. Вот уже пятнадцать лет со всего постсоветского пространства в Казань съезжаются люди, которым не безразличны фантастика, толкиенистика и ролевые игры.

В этом году сказочный город появлялся в Казани с 4 по 7 ноября и собрал без малого две тысячи двести фантастических существ. Среди них наблюдались герои самых разнообразных фантастических произведений — от эльфов и гномов до пришельцев с далеких планет. Даже Смерть почтила Зилант своим присутствием (*фото Смерти прилагается*). Правда, местами попадались и люди. Вернее, не люди, а писатели-фантасты.

Вот, например, Святослав Логинов и Евгений Лукин провели на Зилантконе мастер-класс, на котором Логинов буквально раскатал всех участников асфальтовым катком. Ибо что Владыке Богов Далайна какие-то там тролли с орками?..

В этом году в рамках конвента было проведено более ста мероприятий на более чем 20 площадках. Проходили балы и турниры, театральные постановки и концерты, работала литературная секция и секция фантастиковедения, конференция по ролевым играм и многое другое.

Ключевые мероприятия фантастиковедения в этом году: писатели Людмила и Александр Белаш провели семинар "Основы мироздания для начинающих: краткий анализ построения миров с картографией"; председатель оргкомитета одного из старейших фантастических конвентов в СНГ — Интерпресскона Александр Сидорович рассказывал о своем конвенте, а также руководил дискуссией на тему "Проблемы фантастических конвентов России". Писатель Антон Молчанов (Ант Скаландис) провел презентацию литературно-образовательного проекта "Фаэтон", в котором представлены книги Татьяны Семеновой. Издательство "Форум" презентовало новую серию фантастических книг "Другая сторона".

А Евгений Лукин, которому Логинов практически не давал слова во время их совместного мастер-класса (вдвоем сложно управлять асфальтовым катком), устроил на Зиланте еще и сольный концерт.

Литературная премия "Большой Зилант" традиционно вручалась на открытии "Зиланткона". Эта премия уникальна. В отличие от премий фантастических конвентов, на которых существует система награждения произведений, вышедших за последний год, Зилант присуждается произведениям, которые были напечатаны в течение прошедших пяти лет, и не были отмечены наиболее известными премиями. В жюри премии — основатель "Зиланткона" Андрей Ермолаев, писатель Святослав Логинов, критики Василий Владимирский, Вадим Казаков и другие.

Литературная секция "Зиланткона" проходит ежегодно с 1992 года. В жюри секции входят многие известные писатели и критики. Как обычно, на секции была мастерская (для дебютантов), семинар (основная работа с текстами) и литературный салон (где происходит чтение произведений уже состоявшихся авторов).

Ключевыми мероприятиями площадки ТОЛКИЕНИСТИКА были: большая викторина по произведениям Дж.Р.Р. Толкиена, семинар по жесткосюжетным играм по произведениям Толкиена и семинар по магии в произведениях Дж. Р.Р. Толкиена и ее отражении в ролевых играх.

Семинарская площадка "Теория и практика ролевых игр" традиционно включает темы по организации и моделированию на ролевых играх. В этом году главная тема площадки — большие игры. Наиболее значительными событиями в этом блоке были:

1. Отчет мастеров РИ "Ведьмак". Эта игра поставила рекорд по численности игроков за всю историю РИ — более 2500 человек.

2. Круглый стол "Большие игры".

3. Семинар "Моделирование города на РИ", который проводился на материале игры "Черный отряд". Город на РИ с численностью жителей более 150 человек — необычное пока явление.

В блоке игротехники прошли семинары "Сериал в РИ" и "Городские игры в режиме real-time", обмен практическим опытом: "Ролевой методический лагерь — 5 лет" и семинар "Маленькие дети на РИ — За и Против".

На площадке "Презентации РИ" мастерские группы традиционно представили анонсы игр будущего сезона: ХИ-2006, "Одиссея капитана Блада", "Вицы!", "Великая Степь-2006", "Красное и белое", "Время героев", "Северный ветер-2006", "Гардарика: Восточный путь-2006" и др.

В этом году программа секции ТЕХНОГЕННЫЕ ИГРЫ существенно выросла. Помимо традиционных турниров, большинство которых прошло 6 ноября на техногенном полигоне, в программе секции были "Круглый стол по техногенным играм" — в частности, играм конца 19 века (англо-бурская война) и далекого будущего, в том числе киберпанка.

В рамках Круглого стола обсуждались ролевые игры со страйкбольным снаряжением; баланс команд и оружия; моделирование различных типов стрелкового оружия, полевой медицины, униформы, брони и техники.

В рамках площадки РОЛЕВЫЕ ИГРЫ И ОБЩЕСТВО прошел круглый стол "Ролевая Игра как социальная педагогика".

Прошло необычайно много театральных постановок, в числе которых был уже известный жителям города Зиланткона мюзикл Notre Dame de Paris в собственном переводе Лоры Московской.

В рамках бала-ретроспективы были собраны все эпохи, по которым балы на "Зиланте" уже были проведены, а именно: Готику, Возрождение, 17 и 19 века.

И это далеко не все, но рассказать обо всем просто невозможно.

Четыре дня жизнь в городе кипела и бурлила, но все когда-нибудь подходит к концу. Отгремело официальное закрытие, и сказочные существа снова стали похожи на обычных людей. Надев на плечи свои рюкзаки, они разъехались по домам. Кому-то ехать до дома полчаса, кому-то — тысячи километров. Это не так важно. Ведь спустя год в Казани снова появится волшебный город Зиланткон, и все они вернутся сюда. Ведь все мы родом из сказки, и наша жизнь без нее была бы серой и неинтересной.

ГЛАЗ НАРОДА

За подготовку материалов спасибо Анне ГОЛУБЬ (текст) и Василию ВЛАДИМИРСКРМУ (фото)

№12 2005 год

Законы бытия, тайны судьбы, мир сверхъестественного

Внимание, АКЦИЯ!

Дорогие друзья! Оформив годовую подписку на пять и более блоков "Новой интересной газеты", вы получите возможность принять участие в розыгрыше ценных призов. Для этого нужно до 15 декабря прислать в адрес редакции (03047, Киев-47, пр-т Победы, 50, офис 460, "НИГ") ксерокопии квитанций на годовую подписку блоков, сообщить свой подробный адрес, желательно контактный телефон и краткие сведения о себе. На конверте сделайте пометку "Акция".

Среди подписчиков "Новой интересной газеты" будут разыграны ценные призы:

- **бесплатные годовые подписки на любой выбранный блок**
- **мобильные и радиотелефоны**
- **фотокамеры**

СУПЕРПРИЗ семь дней отдыха в Болгарии — Золотые Пески

Пророчества, знамения, гороскопы, гадания, приметы

Православный ликбез, молитвы, магические обряды

Научные гипотезы, досье, тайны планеты

Хроника аномальных явлений, параллельные миры и космос

СЕНСАЦИИ, ГИПОТЕЗЫ, ТАЙНЫ
НОВАЯ ИНТЕРЕСНАЯ ГАЗЕТА Da
индекс 09745

Феномены природы, таинственные явления вчера и сегодня

Рецепты народной медицины, секреты долголетия

РЕЦЕПТЫ ЗДОРОВЬЯ И УСПЕХА
НОВАЯ ИНТЕРЕСНАЯ ГАЗЕТА Ee
индекс 09753

Рецепты здоровья от читателей и народных целителей

Оригинальные версии событий мировой истории

История криминального мира, жизненные детективы

Преступление и наказание. История и современность

Исторические события, архивы без грифа "секретно"

Истории любви от читателей, советы психологов

Углубленное изложение разнообразных интересных тем

Хроника катастроф, приключений и чрезвычайных событий

Фантастические новости, интервью и рассказы, обозрения

Тот, кто бережет

Мы сидели в зале для аудиенций, придвинув парчовые стулья к изукрашенному трону. Трон пустовал.

Я сидел на груде ящиков и курил. Малит чистила ногти большим кинжалом, дубolом Эмерик смазывал оружие, складывая автоматы и обрезы в высокую неустойчивую пирамиду. Остальные толклись и гоготали за дверью, деля награбленное.

— Увольте, диктатором я не стану, — повторил я.

— Брось ломаться, мы уже все решили, — ответил дуболом Эмерик.

Палец Малит уперся мне в грудь, прямо в красное пятно на футболке.

— Понял? Будешь первым, потом мы тебя сменим.

Я весь покрыт кроваво-красными пятнами, и вид у меня брутальный — любой боксер бы позавидовал. Это кетчуп. С сегодняшнего полудня ненавижу кетчуп.

Я снял футболку и зашвырнул в угол.

Нам надо было цивилизованно, тихо войти в город, затем незаметно проникнуть в сокровищницу, сложить ценности в холщовые мешки и на цыпочках слинять. Мы могли провернуть все за полдня, и тогда не пришлось бы оставаться во дворце на ночь.

Но вышло громко и показушно: ребята решили поиграть в вооруженную хунту, развлечься, почувствовать себя королями и диктаторами, показать мирному городку, кто в доме хозяин. Сначала подготовка и устраштение, подкопы, ползание по коммуникациям, ночные вылазки в спальни чиновников (с ножом в одном кармане и электрошокером в другом), а потом бойня во дворце и, черт возьми, перестрелки в супермаркетах. В одном супермаркете. Взрываются банки, плюются колой. Картонные коробки истекают молоком, маринованные горошины мнутся под ногами. Ошметки ветчины и брызги кетчупа, гирлянды сосисок, повисшие на лопастях вентилятора. А ведь когда-то я любил сосиски с кетчупом: меня ими кормил папочка. На завтрак и обед. На ужин у нас обычно была пустая тарелка. И молоко. Отец думал, что я люблю молоко, а я каждый вечер наполнял миску нашего домового.

Думаю, мы с домовым подружились — кроме него, у меня не было друзей. Я называл его Тиш и рассказывал о своих делах. Тяжелое детство: кирпичи вместо машинок, ни одного приятеля и кочевая жизнь в передвижном фургончике.

Кстати, поэтому я и обедаю отдельно от всех. Не люблю друзей, не люблю попыток породниться. Каждый сам за себя.

— Не ломайся. Если что, мы тебе поможем, — ободряюще сказал Малыш, облизывая ложку.

Этот карлик вечно лопает брусничное варенье. И постоянно хвастает, что витамины — лучшая защита от преждевременной смерти, потому его и пули не берут. Шутник. Попробуй его подстрели, когда он мелкий и юркий, словно кошка. Да еще косматый, настоящий гном.

Я прижал локтем джинсовую сумку, которая, как всегда, висела на правом плече. Сумка была теплой.

— Идите вы к черту, — примирительно сказал я и заметил, как Малит расслабилась. — Условие одно: править будем по-настоящему. С конституцией, с законами. И корону мне дать не забудьте.

— Разумеется, — кивнула Малит. Малыш подмигнул ей и снова облизал ложку. Эти двое были не разлей вода, куда она — туда и он. Даже братались кровью каждый раз, как напивались до чертиков. Говорят, Малыш несколько раз спасал ей жизнь.

— Договорились.

Никто из нас не стал протягивать руку, чтобы скрепить договор. Я знал, что договору грош цена. А они: мне очень не понравилось то, что читалось в их глазах. Знаете, бывают такие транспаранты, их малюют для государственных праздников? "Светлое будущее", "Мир и дружба", "Вместе мы едины"? В глазах моих сообщников крупными буквами, плакатным шрифтом было написано: "Пусть он будет козлом отпущения. А потом мы свергнем его к такой-то матери".

Да? Посмотрим.

Я отвел глаза, чтобы они не увидали мой ответный транспарант. Поглядим, кто засмеется последним.

— Договорились, — во рту было кисло. Я-то знал, что это еще не вкус победы. Но они, похоже, ощущали ту же кислятину.

И ради этого мы с таким шумом вломились в город?

Граг — городишко из тех, что не на всякой карте найдешь. Собственно, это и город, и государство; здесь работает хиленькая конституция и правит слабенький король. Граг — вещь в себе, он замкнут, он живет по своим законам, он не любит чужих. Сюда не приезжают туристы, сюда не рвутся эмигранты. Городок в табакерке.

Почему мы решили взять его? Потому как разведчик Тим приехал из Грага и сказал, что городишко нам подходит: ни у кого из жителей нет огнестрельного оружия (у дворцовой охраны — три дубинки на дюжину солдат), инкассаторы возят добычу в машинах с открытым верхом, люди даже не запирают двери квартир. Город непуганых идиотов.

Художник — О.Романова, Санкт-Петербург, Россия

И никто из нашей команды не задумался о причинах такой идиллии. Никто не постарался докопаться, в чем соль. Только я знал, что Граг — единственный город, где захватчики не имеют ни единого шанса. Если, конечно, они не принесли этот шанс с собой, в джинсовой сумке через плечо.

Уже после заката ко мне привели местного короля, хотя я и не просил. Корону и скипетр сейчас искали, но никак не могли найти — так что мы с королем играли на равных: монарх уже без власти, диктатор еще без регалий.

Король был бледен, но целехонек. Он сидел на своей кровати, в майке, в испачканных пылью штанах, и выглядел безмятежно самоуверенным. Я предложил ему пива.

— Вам придется поплатиться за беспорядки, учиненные в городе, — произнес король и поднял на меня спокойные светлые глаза. Дуболом Эмерик хотел врезать ему по скуле, пришлось выставить соратника за дверь.

— Неужели?

— За нас отомстят. Вы совершили большую ошибку, ступив на нашу землю.

— Вы организуете сопротивление? — усмехнулась Малит. — Нас много, и мы хищники. Учите историю, ваше бывшее величество! Вооруженные хунты годами удерживали власть и прекрасно при этом жили. И мы будем жить.

— Вы не понимаете, — король беспечно пожал плечами. Ему было плевать на опыт истории, в Граге история имела свой опыт. — Здесь на нашей стороне не сила и не закон...

— Неужто красноречие? — хмыкнула Малит.

— Нет. Кровная месть, если тебе известно такое понятие, милое дитя, — ласково сказал ответил король, и у Малит тоже зачесались кулаки. Пришлось и ее отправить за дверь.

Мы остались с королем наедине и поговорили еще некоторое время. Король очень хотел рассказать мне, что со мною произойдет сегодня ночью, но, видимо, на сей счет в городе существовал негласный кодекс молчания. Он намекал, что эту ночь переживут не все. Он намекал, что меня ждет хорошая порка за самоуверенность. И еще он намекал, что с самозванцами здесь не церемонятся, поэтому вряд ли мы с ним увидимся еще раз.

После того, как я в ответ намекнул ему на свой козырь, король переменился в лице и попытался разбить бутылку пива о мою голову. Королям довольно трудно переживать поражения.

Кажется, за дверью его потом все-таки отлупили.

Я проснулся от неявного ощущения опасности. Почти минуту вспоминал, где нахожусь и что нужно делать. Дворец дрых заколдованным сном, было тихо, и тишина эта казалась странной, обволакивающей. Я подошел к двери и повернул ключ. Замок клацнул, ключ переломился пополам. Так-так, похоже, я не ошибся.

Выломать дверь оказалось нетрудно, хотя куда проще было бы, если пули разнесли бы замочную скважину. Но пистолет давал осечку за осечкой. Пришлось высаживать петли вместе с косяком. Три минуты грохота — и путь свободен.

Я аккуратно перебросил сумку на плечо и вышел в коридор. Здесь было пусто и темно, лампы не горели. Тишина стояла такая, словно всех наших — всех до единого — превратили в соляные столпы. Кто-то же должен нести вахту, курить, материться на комаров или несварение желудка. Но нет — полное безмолвие.

Когда внизу затрещала выбиваемая дверь, я от неожиданности отлетел к стене. Вжался в нее, хотя причин не было: подумаешь, у кого-то тоже сломался замок. В сумке зашевелилось, заохало. Я проверил, надежно ли застегнута молния, и отлепился от стены. Внизу снова воцарилась тишина.

Поворот, лестница, тридцать две ступеньки, угол, поворот, ниша. Тишина. Похоже, все умерли.

Пока пушка не уперлась мне в переносицу, я ничего не замечал. Малит умеет красться, это у нее наследственное, ее родители были странствующими акробатами. Они могут бесшумно прыгать с перекладины на перекладину и легко бегать по рыболовной леске, одновременно обмахиваясь веером и жонглируя ножами. Малит учили тому же — поэтому она такая гибкая и грациозная. Когда-то давно ее кибитку подожгли, и родители задохнулись в дыму — поэтому она такая безжалостная.

— Стреляй, — сказал я, и дуло дрогнуло.

— Будет осечка, — ответила Малит.

— Я знаю.

Малит спутала мне все карты. План был рассчитан на меня одного, и откуда здесь взялась эта девчонка — непонятно. Она появилась очень не вовремя.

Где-то наверху раздался гул, словно сотня ног пробежала по чугунной трубе. Сотня очень маленьких ног.

— Что здесь происходит? — полушепотом спросила подельница.

— Похоже, наша затея с захватом города была неудачной.

— Они проникли во дворец и всех перерезали? — у Малит сузились зрачки. Она явно имела в виду людей.

— Они уже были во дворце и просто отомстили, — ответил я, думая вовсе не о людях. — Король ведь обещал, ты слышала.

— Бредни, — скривилась она. — Кроме нас здесь нет никого. Мы ото всех избавились.

Я толкнул дверь одной из комнат. Луна расчертила пол на квадраты, в полумраке ярким пятном выделялась кровать. Вернее, то, что останется от кровати, если отломать у нее ножки и спинку и раскрошить их о стены. Дуболом Эмерик лежал в кресле, перегнувшись через подлокотник. Он уже успел сморщиться, почернеть и уменьшиться чуть ли не вдвое. Один ботинок — огромный, сорок восьмого размера — свалился с крошечной волосатой ножки.

— Что за чертово место? — громко зашептала Малит. — Что за дьявольщина, куда мы пришли? Где все? Где, мать их, часовые? Я расставила парней на каждом этаже...

— Пойдем, проверим остальных, если хочешь.

— Ты ведь знаешь, что мы там увидим! — с ненавистью прошептала она. — Их нет, их всех уже нет! А ты... ты знал! Я с самого начала тебе не доверяла...

— Я догадывался, — Улыбнуться в ответ было нелегким делом. Впрочем, мы шли темным коридором, так что мимические упражнения, скорее всего, пропали зря. — Поэтому ты сделала меня первым диктатором, да? Первый диктатор наводит порядок и вызывает ненависть у подданных, а посему имеет прекрасный шанс попасть на плаху. Ты меня подставила, Малит, признайся хоть сейчас.

— И теперь вижу, что ты это заслужил.

Мы шли плечом к плечу, как будто были друзьями. Я ломал голову, почему же она осталась. Она ломала голову, почему все мертвы, а я жив. Ей не приходило в голову удивляться, почему она жива.

К счастью, Малит оказалась единственной. Мы заглянули в караулку — для этого снова пришлось выбить дверь. Рауль и Конрад завалились на стол, будто уснули. Из-под красного берета Рауля уже выбивалась косматая черная прядь, а Конрад облапил черными ручищами... нет, черными ручонками бутылку своего любимого бренди.

На кухне мы нашли Дэмьена. Он, похоже, пытался обороняться поварешкой. Дэмьен еще оставался большим, почти нормальным человеком — вот только рукава куртки уже были ему длинны. Малит пощупала пульс на шее Дэмьена и отдернула руку.

Я обошел стол в поисках воды — страшно хотелось пить. Я мечтал утолить жажду, собраться с мыслями и, наконец, что-нибудь придумать — оглушить девчонку сковородой, например. До рассвета оставалось совсем немного времени, я должен успеть найти корону и выйти из дворца. Это последний шанс закончить партию со счетом в свою пользу.

Вода в графине была вкусной, как мечта — я пил ее жадными глотками. Тут-то Малит меня и поймала. Я сильнее, да. Я выше на полметра и тяжелее. Но широкий кинжал, приставленный к горлу, и другой кинжальчик, поменьше, упершийся в солнечное сплетение — серьезные аргументы, чтобы остановиться и не делать резких движений.

— Я умею жонглировать ножами, — предупредила она. Как будто я этого не знал. — Почему ты остался жив, говори!

Я ответил вопросом на вопрос.

— А ты?

— А я... я ничего не видела, ничего не знаю, а ты, подонок, привел нас сюда на верную гибель! Все они мертвы, а ты, мразь, даже не можешь сказать, что случилось. Отвечай!

Черт, нужно было что-то придумать. Я против убийства, особенно если это убийство меня.

Джинсовая сумка на моем плече зашевелилась.

— Что у тебя там?

Женщины очень любопытны. Не удивлюсь, если Малит пришла в Граг только из любопытства, ей было интересно посмотреть, как берут город. Сейчас ей стало интересно, что я прячу в сумке. Она протянула руку к застежке... В этот момент я мог бы дернуться, вырваться, скрутить ее, отобрать нож, но теперь уже не имело смысла. Все произойдет само собой.

Из раскрывшейся сумки вывалился большой мохнатый шар, он вихрем промчался по полу, оттолкнулся от стены, подлетел вверх и выбил нож из руки Малит. Потом снова упал на пол и на маленьких ножках просеменил в угол.

Малит застыла.

Я вздохнул и поднял сумку с пола. Не знал, что он так может. Вернее, знал, но никогда не видел.

— На ее счету двадцать домов, — проскрежетал мохнатый шар.

— Что за чертовщина? — прохрипела Малит, хватаясь за стол.

— И трое на твоем, — добавил шар.

— Я знаю. Ты возьмешь ее на себя? — спросил я.

Малит переводила взгляд с меня на шар, с шара на меня. У шара были большие, торчащие в разные стороны уши с кисточками и горящие черные глаза.

— Виктор, — Она впервые назвала меня по имени. — Что происходит? Что... это?

— Домовой. Сейчас ночь, Малит. Время домовых.

Она молчала почти минуту, смотрела в окно. Ночь заканчивалась, звезды гасли.

— Ты бредишь? — спросила она.

— Этот город... Малит, ты не задумывалась, почему в этом городе никто не печется о своей безопасности? Ты думала, что это лакомый кусочек, который никто не хочет съесть? Как ты считаешь, почему здесь такие простые законы, почему здесь нет ни оружия, ни преступности? Почему король был так уверен, что у нас нет шансов победить?.. Это домовые, Малит. Граг — обитель домовых. Здесь — их закон, их страна.

— Чушь собачья.

Она не верила своим глазам и ушам. Готов поручиться: она надеялась, что сейчас проснется.

— Ребята пострадали не просто так. Я предупреждал, что все надо делать тихо. Они не должны были убивать жителей города, они сделали ошибку, и им отомстили.

— Правильно, — сказал Тиш, и Малит нервно сглотнула. — Вы обидели много человеков. Убили. Мы должны ответить, иначе нельзя. Кровная месть.

— У меня был план, Малит. Мой домовой меня хранит, а вы... с вами вообще не нужно было считаться. Я хотел всего лишь взять корону, на нее уже есть покупатель, и тихонько уйти. Но ты... ты все испортила! Почему ты осталась цела?

Она гипнотизировала меня змеиным взглядом.

— Ты сволочь, ты знал... Зачем ты пришел, зачем нас сюда привел? Чтобы они нас всех тут убили?

— Домовые не убивают людей. Они их превращают. В себе подобных.

Акробатка вжалась в угол кухни. Под ногой громко хрустнула разбитая тарелка. Она смотрела на Дэмьена — одежда стремительно становилась ему велика. Она вспомнила Эмерика, который лежал в кровати, уже маленький, словно гном.

— Кто убивает и грабит наших человеков, тот должен быть наказан. Гуманно наказан. А в городе строится столько новых домов...

Это был другой, очень знакомый голос, я обернулся. Малыш вышел из-за стола, облизывая ложку. Он нигде не расставался с банкой варенья, это был его фетиш.

Малыш оскалился на меня рядом ровных белых зубов и свободной рукой приподнял встрепанные волосы у виска. Под волосами открылось большое ухо с кисточкой.

Малит медленно сползла по стене.

А ведь я знал... не догадывался, а знал, в самом укромном уголке сознания я держал эту мысль. Малыш был слишком маленьким даже для карлика. И он никогда не снимал сапог. Потому что у него вместо ног — наверняка — округлые, покрытые шерстью лапки.

По коридору уже топали сотни крошечных ног, в дверном проеме мельтешили серые тени. Они должны закончить кровную месть до рассвета: забрать всех, кого наказали, и отпустить невиновных. Из захватчиков во дворце оставались только мы двое.

Мой Тиш защитит меня, я это знал. У меня нет друзей, у людей вообще каждый сам за себя — но все домовые это одна семья, они умеют договариваться. Он назначит цену за мои преступления, я ее заплачу и уйду с миром. У остальных не было домовых, значит, у них не было и шансов.

Девушка лежала у стены рядом с мойкой.

Я не знал, бывает ли так, чтобы домовой выбирал не дом, а хозяина. Тиша мне пришлось связать и засунуть в сумку, чтобы заставить покинуть фургончик — но потом он был со мной везде и всюду, берег меня и защищал. Но у Малит не было домового, потому что ее кибитка сгорела лет десять назад.

— Возьми ее своим человеком, Малыш, — сказал я чужим голосом.

Малыш как-то странно заухмылялся и снова запустил ложку в варенье. Я посмотрел на сапоги, которые он никогда не снимал. Они были черны от копоти.

Наталья КОЗЕЛЬСКАЯ,
Москва, Россия

КРАСАВИЦА И ЧУДОВИЩЕ

Я сидела, наслаждаясь утренним пробуждением природы, как вдруг огромные, покрытые мерзкими волосками лапы вырвали меня из милой моему сердцу обстановки. Оставив внизу элегическое настроение, я взлетела выше самых высоких окрестных холмов и оказалась перед мордой ужасного монстра.

— Чудовище! — воскликнула я и тут же прокляла себя за излишнюю болтливость.

— Почему же сразу чудовище? — обиделся монстр. — Мы ведь даже не знакомы.

— Ну, я имела в виду, что ты чудесно выглядишь, — когда мне страшно, я умею соображать очень быстро.

— А... — облегченно вздохнул монстр. — Я просто сразу не понял. Мне казалось, в таких случаях принято говорить "чудище".

— В наших краях чудищами обычно называют тех, кто отличается экстравагантным поведением, — быстро соврала я. — Так что, если что-то в моих словах или манерах покажется тебе обидным, не обращай внимания. Я как раз из таких вот чудищ.

— Так ты чудище? — огорчился монстр. Потом, помолчав минутку, спросил с надеждой. — Но ведь ты еще и красавица?

— Ну, кое-кто так считает, — скромно потупилась я.

— Наконец-то! — воскликнул монстр. Потом приблизил свою мерзкую зубастую пасть и, обдавая меня горячим зловонным дыханием, зашептал. — Я так давно ищу тебя. Я должен найти первую красавицу здешних мест и поцеловать ее. Тогда свершится чудо, и мы с ней обретем свое счастье...

— Нет! — в ужасе вскрикнула я, увидев приближающиеся ко мне чудовищные кроваво-красные губы, и, забыв про высоту, выскочила из отвратительных лап.

***

— Не та. Опять не та, — пробормотал царевич, провожая взглядом улепетывающую лягушку, и, озираясь по сторонам, побрел по болоту дальше.

Сергей ПАЛЬЦУН,
Киев, Украина

Оставь последний танец для меня

Вообще-то я уже умер.

Вчера.

Или сегодня...

Или в понедельник на прошлой неделе.

Мой коммуникатор все еще работает — зеленые цифры отсчитывают непонятные мне единицы: час, год, вечность... Минута — это много или мало? А вечность? Когда отец не вернулся из скачка — время стало киселем, тягучим и вязким; киселем, в который, как мухи, беспомощно влипли моя мать и я. Отец "прыгнул в вечность" — как говорили о пилотах. Мама так его и не простила. Она не умела прощать пилотов, прыгающих в неизвестность...

Она умела их только любить.

— Центральный шесть-один-восемь, прием. Ответьте локаторному отсеку. Говорит второй оператор... прием.

Молчат. Они все молчат: и орудийный отсек, и двигательный, рубка и даже камбуз... Сначала я вызывал их по аварийной связи, теперь пользуюсь обычной... У каждого отсека отдельный код, это вам не аварийка.

— Центральный шесть-один-восемь, конец связи.

Молчание. Следующий отсек.

— Орудийный два-восемь-три, прием. Орудийный два-восемь-три...

Прием. Прием! Прием! Ответьте локаторному отсеку. Прием?

...Патрик Свейзи и Дженнифер Грей обнимают друг друга под "Hungry Eyes". Я десятки раз видел эту сцену, но смотрю, как завороженный. Долгие дни (годы, вечности, минуты?) после аварии я пытался танцевать... Старый фильм, из тех времен, когда люди ни черта не смыслили в трехмерной съемке, точечном монтаже или контактной передаче. Плоский фильм. Древний и наивный, как реактивная тяга...

Великолепный.

...Вообще-то все мы умерли.

Но когда смотрю этот фильм, я верю: кто-то еще жив...

— Орудийный два-восемь-три, конец связи.

Молчание. Следующий отсек.

...Что заставляет пилотов прыгать?

Я хотел стать пилотом — как мой отец. Почему не стал? Сам спрошу и сам отвечу. Сейчас у меня есть время... мне некуда торопиться. Методично обзванивать отсеки и смотреть старые фильмы на уцелевшем экране — отнимает не так уж много вечности. Моей молчаливой вечности...

Тем более что фильмодиск у меня только один. "Грязные танцы".

...Оказывается, я люблю танцевать. Я понял это, когда левую ногу в скафандре высшей защиты зажало при взрыве. Колено всмятку, локаторный отсек — в гармошку, двух операторов, капитан-лейтенанта Шкловского и техника связи — в броневой блин с мясной начинкой. Обычно говорливые, ныне они молчат...

Все молчат.

Но я продолжаю обзванивать отсеки.

— Центральный шесть-один-восемь, прием...

Иногда я понимаю, как страшно мне повезло. Если я единственный уцелевший на корабле офицер (а, судя по молчанию связи, я вообще единственный уцелевший), то могу поздравить себя с повышением. Лейтенант Горелов, командир эсминца "Беззаветный", порт приписки: Нью-Мехико, Юпитер; Военно-Космические Силы. Прошу любить и жаловать! Очень любить и очень жаловать, потому что корабль под моим командованием дрейфует в неизвестном направлении с неизвестной скоростью. Удаляясь от точки скачка. Но я — командир эсминца...

В свои двадцать три года.

Такое везение трудно не назвать страшным...

Выход на скачок — особое психологическое состояние. От пилота требуется спокойствие духа, собранность и...

Вот именно. И что-то еще, никакими приборами не регистрируемое. Большой Взрыв, как называл это отец. Сначала голова становится пустой и звонкой, по спине бегут мурашки, а затылок сводит мучительно и сладко...

Бред. Обычный предсмертный бред.

Потому что я — не пилот. Потому что точка скачка далеко позади — некоторые, по слухам, уводили корабль с расстояния в несколько тысяч километров — но только некоторые. Пилоты. Люди особого таланта. Таким был мой отец, скакнувший шестнадцать лет назад в вечность...

Интересно, о чем думал перед роковым рейсом Виктор Горелов, мастер-пилот почтовика "Альбатрос"? Думал ли променять жену и семилетнего сына на вечный кайф Большого Взрыва? Не знаю. Может, и нет...

Однако вечность встретила его с распростертыми объятиями.

Как тебе там, отец?

Не холодно?!

Оказывается, я тоже не умею тебя прощать...

— Двигательный восемь-два-восемь, прием. Повторяю: двигательный восемь-два-восемь, прием. Говорит лейтенант Горелов. Олег Викторович Горелов. Как старший по званию, принимаю на себя командование кораблем... Доложите об имеющихся повреждениях. Особое внимание прошу уделить состоянию скачкового и маневровых двигателей. Доклад представить в течение часа... Выполняйте. Конец связи.

...Как, оказывается, скучно умирать.

Чтобы разнообразить этот процесс, приходится идти на ухищрения.

Пайки, выдаваемые скафандром, совершенно безвкусны. Питательны, витаминизированы, но пресны, как жизнь праведника.

Размолотое колено должно страшно болеть. Но скафандр почти исправен, аптечка работает, поэтому боли нет. Есть слабость и постоянно сухие губы. Когда я пытаюсь улыбнуться — а я иногда пытаюсь — кожа лопается и выступает кровь. Немного, пара капель. Но эти капли пробуждают во мне зверский аппетит. Вот так. Такие у нового командира развлечения...

От голода я не умру.

Мне даже от застоя крови умереть не удастся. Электростимуляция разгонит кровь и не позволит мышцам атрофироваться.

Я буду долго умирать...

Долго и скучно.

— Ходовая рубка один-один-два, прием. Говорит капитан. Готовность к скачку: двадцать минут.

В сотый раз смотрю "Грязные танцы".

В сотый раз передо мной танцуют Джонни и Малышка. В сотый раз мои плечи и руки движутся в такт движениям: я знаю все па наизусть, я помню все слова из всех песен, навскидку процитирую любую фразу любого персонажа. Я знаю операторов и статистов поименно, годы выпуска песен и марку пленки...

...Я знаю фильм лучше, чем тот, кто его снял.

Я танцую.

Танцую, закрыв глаза.

Проклятый скафандр! Мое спасение, моя тюрьма, мой кинозал. Что в этом больше — любви или ненависти? Достаточно ли я сошел с ума, чтобы считать скафандр живым существом?

Достаточно?

Нет... и да.

Потому что скафандр больше не стесняет движений. Он — вторая кожа, гибкая и теплая. Великому танцору немногое может помешать, а чтобы стать таковым, нужны две вещи: посмотреть сто раз "Грязные танцы" и потерять левую ногу. Мамбо, ча-ча-ча... О, румба! Я люблю румбу.

Раз-два-три, раз-два-три... поворот!

Браво, Джонни! Браво, Олег!

Танцую.

От танцора требуется спокойствие духа, собранность и...

Голова становится пустой и звонкой, по спине бегут мурашки, а затылок сводит мучительно и сладко...

Танцую.

— Двигательный восемь-два-восемь, прием. Двигательный восемь-два-восемь. Прием! Прием! Отзовитесь кто-нибудь, мать вашу!

В ответ — молчание.

Не тишина. Тишина — это поле, стрекочущее на десятки голосов, это ветер в кронах березового леса, густая темная листва, которая шепчет... Это синь неба, заставляющая голову кружится. Это — багровый Юпитер в иллюминаторе, вахта, когда ты — один, и она — одна...

Тишина.

Ее Величество...

Тишина — жизнь, молчание — смерть.

— Ну и черт с вами... Двигательный восемь-два-восемь, слушай приказ. Готовность к скачку: десять минут. Опоздаете хоть на секунду — до скончания века будете драить гальюны. Это я вам обещаю. Все. Конец связи.

Когда отец прыгал в Нирвану, он вспоминал лицо мамы? Мое лицо? Или вечность стоит любых лиц?!

...Скачок — настолько сильное переживание, что пилоты после рейса...

Возможно, они просто не хотят уходить? Распробовав вечность, они подобны наркоманам, живущим от дозы до дозы... Но почему — подобны? Нирвана одна на всех. Просто кто-то входит в нее медитацией и скачком, другие — с черного хода...

Что может быть острее ощущения смерти — еще при жизни? Большой Взрыв. Скачок. Танец.

...Что заставляет пилотов прыгать?

Экстаз.

— Навигационный один-один-шесть, прием. Готовность к прыжку: одна минута. Курс: зенит-север-восток-восток. Точка "батута": Альфа Антарес, точка приземления: Солнечная система. Подготовить выкладки для касания. У меня все. Конец связи.

Голос холодный и ровный. Держишь спину прямой, лейтенант Горелов? Перед кем, интересно?

Мы все уже умерли.

Вчера.

Сегодня.

И на прошлой неделе...

— Всем, всем, всем! Говорит капитан. Сорок секунд до скачка. Экипажу занять места согласно штатному расписанию. Идем домой, парни... Мы идем домой...

Ну что, вечность? Сын пилота вырос — он достаточно взрослый, чтобы приглашать дам на танец...

Или сама меня пригласишь?

— Всем, всем, всем! Начинается отсчет. В момент ноль рекомендуется закрыть глаза. Восемь. Семь. Шесть...

Выход на скачок — особое психологическое состояние. От пилота требуется спокойствие духа, собранность и...

Ну что, вечность, потанцуем?

... и что-то еще, никакими приборами не регистрируемое. Большой Взрыв, как называл это мастер-пилот Виктор Горелов. Голова становится пустой и звонкой, по спине бегут мурашки, затылок сводит мучительно и сладко...

Раз-два-три, раз-два-три... поворот!

— Пять. Четыре. Три...

Узнает ли меня отец, когда я буду пролетать через Нирвану? А я — его? Захотим ли мы вообще узнать друг друга?

— Два. Один. Ноль.

Мама!

Вечность стоит любых лиц?

Большой Взрыв.

Скачок.

Вечность.

Шимун ВРОЧЕК, Нижневартовск, Россия

Уильям Гибсон "Распознавание образов" (Pattern recognition)

Главная героиня нового гибсоновского романа Кейс Поллард — персонаж настолько яркий, что одним своим присутствием гарантирует успех книги.

У Кейс Поллард — необычная аллергия: она физически не может выносить некоторые торговые знаки, и потому заранее может предсказать, какой логотип вызовет у потребителей желание купить товар, а какой — нет.

У Кейс Поллард — острое чутье: среди городской толпы она вылавливает остромодные тенденции завтрашнего дня; например, именно она нашла того самого мексиканца, который первым надел бейсболку задом наперед.

У Кейс Поллард — личная драма: ее отец пропал в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года, и даже неизвестно точно, погиб он во время атаки на небоскребы ВТЦ или еще есть шанс его разыскать.

У Кейс Поллард — суперсовременное хобби: она, вместе с другими энтузиастами, ищет в Сети и обсуждает неизвестно откуда появляющиеся фрагменты некого фильма — то ли разрезанного на кусочки, то ли выкладываемого в Интернет по мере съемок.

Как шутит один из героев, "фрагментщики — это зарождающиеся масоны двадцать первого века". Как осознает Кейс, "культ фрагментов существует вне социальных границ и привычных правил, и его служители должны быть готовы ко всему". И действительно, именно это увлечение вовлекает ее в водоворот немыслимых событий. В водовороте этом смешиваются торго-

вые марки, причудливые предметы вроде старинных арифмометров или приборов для трепанации черепа, люди и страны. Стиль-разведчик из Америки в квартире своего друга-англичанина, нынче снимающего кино под Сталинградом, заваривает калифорнийский чай, кипятя очищенную немецким фильтром воду в итальянском чайнике... Молодой поляк вынашивает проект инсталляции в галерее бывшего британского попидола, отправляющегося для рекламных съемок в Японию вместе со своей финской подружкой: Итальянка из немецкой компании, планирующая продолжать карьеру в Лондоне, выполняет поручения русских с Кипра, а азиатские шлюхи по вине ее соотечественников пугают американку...

На наших глазах в противовес выхолощенной культуре транснациональных корпораций возникает транскультурная нация — сообщество людей, объединенных языком, историческими, экономическими и политическими связями, а также общим местом проживания — на планете Земля. Производители и рекламисты всего мира работают над стиранием границ, стремятся "уничтожить различия между Лондоном и Нью-Йорком, разорвать мембраны, разделяющие неповторимые зазеркальные миры" — а представители новой нации не мыслят будущего без "зазеркалья" — мелких отличий, делящих унифицированный мир на отдельные страны, толпу — на лица, жизнь — на фрагменты.

Создаваемое автором ощущение разрушения условностей при сохранении национальной и персональной уникальности поддерживает и переводчик Н.Красников — он, например, отказывается от традиционной поливановской транскрипции японских слов и пишет на западный манер "Шинджуки" вместо "Синдзюки", "Шибуя" вместо "Сибуя".

Кстати, о стирании границ и появлении новых. Хотя роман считается чуть ли не отходом Гибсона от фантастики, это, пожалуй, первая книга, реалии которой людям поколения моих родителей пришлось бы непременно объяснять. Язык романа для них будет даже более непонятен, чем, скажем, киберпанковский новояз в "Нейроманте" самого Гибсона или смесь гламурно-кинематографического сленга и нецензурщины в горалик-кузнецовском "Нет". Описываемые в фантастической литературе понятия не существуют, но каждый может представить созданную автором реальность по-своему. Гибсон же в "Распознавании образов" говорит о вещах реально существующих — но уже не всем знакомых. И именно по признаку знакомости-незнакомости, привычности-непривычности этих явлений для читателя и проходит водораздел. Людям старшего поколения непросто будет догадаться, что означают в данном контексте знакомые слова "пост" и "форум", с чем едят "имэйл" и как люди ищут друг друга в "Гугле".

С другой стороны, роман нельзя назвать и "молодежным". Скорее, его аудитория — люди, помнящие не только крушение Башен-близнецов, но и падение Берлинской стены, люди, вслед за Парфеновым говорящие о 1961-1991 годах — "наша эра".

Конец романа некоторые читатели посчитали слишком пресным. В самом деле, после стремительных перемещений по миру и головоломных приключений (можно ведь так сказать о событиях, в ходе которых кое-кому действительно головой ломают нос?) финал кажется слишком уж мирным, слишком уж приземленным. Но ведь так и в жизни: финалом представляется любая короткая передышка, после которой снова начнутся "непонятности, неизвестности и неприятности". Правда, "Распознавание образов" продолжения не предполагает. Впрочем, и "Трилогия Моста" в свое время началась с вполне самостоятельного и сюжетно законченного "Виртуального света"...

Ольга ОПАНАСЕНКО, Киев, Украина

Долгожданный подарок

А.Кубатиев. "Ветер и смерть" Санкт-Петербург, "Азбука-классика", 2005 г.

Увы — Алан Кайсанбекович Кубатиев знаком сегодня далеко не каждому любителю фантастики. Между тем, среди занимающихся фантастикой профессионально он давным-давно известен как блестящий стилист, человек редкостной эрудиции, неоднократный обладатель весьма и весьма престижных жанровых премий. Немногочисленные публикации в периодике, участие в нескольких межавторских антологиях — пожалуй, это все, что было доступно читателю до недавнего времени. Тем отраднее держать в руках изданный "Азбукой" аккуратный том, на обложке которого стоит столь многообещающее имя. В авторский сборник "Ветер и смерть" вошли повести и рассказы, написание которых заняло без малого тридцать лет. Очень, очень разные тексты — от чуть-чуть наивных сейчас "Снежного Августа" и "Книгопродавца", до изящно-постмодернистской "Рукописи, найденной в парке" и полной горькой безысходности "Арены". Однако меж столь непохожими текстами существует одно несомненное сходство: высочайший уровень, заставляющий вспомнить о лучших традициях русской классической литературы. Так что можно только поздравить всех поклонников прекрасной и умной фантастики — и посоветовать им торопиться. Тираж-то всего четыре тысячи!

Аркадий РУХ, Санкт-Петербург, Россия

ДЛЯ СЕРГЕЯ ЛУКЬЯНЕНКО ОЖИДАЕТСЯ УРОЖАЙНЫЙ ГОД

Компания "Новый Диск" анонсировала 3D-Action по мотивам культового произведения "российского фантаста номер один" Сергея Лукьяненко "Лабиринт Отражений". Действие книги происходит в виртуальном городке Диптауне. Главные герои — дайверы, способные по собственному желанию входить и выходить из виртуальности. В игре будет представлен, конечно же, не весь Диптаун, а лишь небольшая его часть, а именно местный deathmatch-аттракцион "Лабиринт Смерти".

Разрабатывает игру DIOSoft.

По информации, полученной от Сергея Лукьяненко, полным ходом идет создание игры по "Линии Грез". Это будет RPG с сюжетом, максимально приближенным к сюжету книги, но одновременно с нелинейным поведением героя. То есть игрок сможет выбрать не ту модель поведения, которая описана в книге. У игры собственный движок, героев озвучивают профессиональные актеры. Выход новинки запланирован на весну 2006 года.

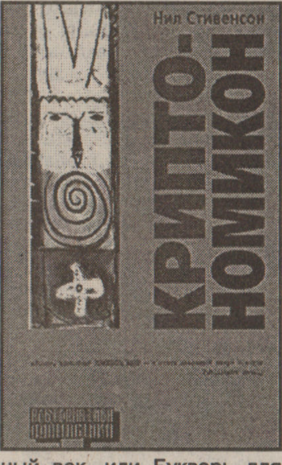
Напомним, что при написании "Линии Грез" были использованы названия и характеристики рас из компьютерной игры "Master of Orion", однако ни в сюжете, ни в образах главных героев нет никаких отсылок к этой игре. Таким образом, "компьютеризация" "Линии Грез" вполне самостоятельна, а учитывая всенародную любовь к Кею Дачу, и весьма оправдана.

А тем временем американский прокат "Ночного дозора" перенесен на 2006 год. Это и неудивительно — на декабрь приходится слишком много громких премьер. Обозреватели называют наиболее вероятным временем запуска проекта февраль — начало марта, когда с "Ночным дозором" не будут соседствовать другие кассовые премьеры.

По материалам Интернет-источников и С.В.ЛУКЬЯНЕНКО

Мосты и стены. Второй шанс киберпанка

Нил Стивенсон. Криптономикон: Роман. / Пер. С англ. Е.Доброхотовой-Майковой. — М.: АСТ. Люкс, 2004. — 912 с. — (Альтернатива. Фантастика). Тир. 5100. — ISBN 5-17-025013-4. ISBN 5-9660-0185-5.

Киберпанк умирал долго и мучительно, из оригинального литературного движения со своим языком и своей уникальной системой образов превращаясь в брэнд, в торговую марку, которую издатели охотно лепят на любую фантастику о компьютерах. Бунтари восьмидесятых (Гибсон, Стерлинг, Рюкер), не утратив мастерства, признали свое поражение и примкнули к победителям — литературному истеблишменту. Представление о киберпанке свелось к набору штампов: мрачное высокотехнологическое будущее, безраздельная власть транснациональных корпораций, вездесущие хакеры и уличные бойцы-"самураи", виртуальная реальность... Состряпать из этого набора роман по силам обладателю самого скромного литературного таланта, тут совершенно не надо быть Уильямом Гибсоном. Казалось, все кончено, черта подведена... И в этот момент у киберпанка появился второй шанс: в литературу пришел Нил Стивенсон.

Он родился в День Всех Святых 1959 года, в семье потомственных ученых, что во многом определило его жизненный путь. Даже свой переход с физического на географический факультет Стивенсон мотивировал тем, что таким образом получал доступ к самым продвинутым компьютерам Бостонского университета. Достигнув определенных высот в качестве программиста, он всерьез заинтересовался литературой. Обостренный интерес к технологиям вообще и к компьютерным технологиям в особенности неизбежно должен был привести писателя в стан киберпанков. Триумфальный дебют Нила Стивенсона в этом жанре состоялся в 1992 году, когда одно из американских издательств выпустило его роман "Лавина". Яркая, необычная книга сразу привлекла внимание читателей и критиков, в одночасье сделав малоизвестного беллетриста одним из лидеров Движения. В 1995 году писатель подтвердил свою репутацию изобретательного стилиста романом "Алмазный век, или Букварь для благородных девиц", принесшим ему премии "Hugo" и "Locus". Но самой неожиданной и странной книгой Нила Стивенсона стал "Криптономикон", появившийся под занавес девяностых. Девятисотстраничный том, который западная критика сравнивает с "Радугой гравитации" Томаса Пинчона, открыл новую страницу в истории киберпанка — хотя относится ли книга Стивенсона к этому жанру, большой вопрос.

Как известно, все на свете можно выразить некой последовательностью цифр. Тонкие биохимические процессы, протекающие в человеческом организме и рельеф местности, симфонии Баха и пьесы Шекспира... Все это можно представить в виде более-менее сложного кода, иначе говоря — оцифровать. Именно людям, склонным воспринимать реальность как сложнейший код, и посвящен "Криптономикон". Действие романа разворачивается в двух временных пластах. Во-первых, это сороковые годы XX века — Вторая Мировая война, эпоха великого противостояния союзников и стран Оси. О существовании Восточного фронта Нил Стивенсон, правда, вспоминает лишь мельком, зато о подвигах американских морских пехотинцев пишет с таким неподдельным чувством, какое сделало бы честь профессиональному баталисту. Впрочем, если верить "Криптономикону", Вторую Мировую выиграл не военно-морской флот и не армия союзников. Победу над Германией и Японией своим странам принесли английские и американские криптографы, буквально в первые месяцы войны взломавшие коды "Индиго" и "Энигма". Главная сложность заключалась не в самой расшифровке, благо на разведку союзников работали такие величайшие умы, как Алан Тьюринг и его коллега Лоуренс Притчард Уотерхауз, один из центральных героев романа. Сложнее всего было сохранить в тайне факт, что система взломана, и в то же время своевременно использовать полученные данные. То, что англичанам и американцам это удалось, смело можно назвать величайшим достижением их разведок. Даже когда авиацией США был "случайно" сбит самолет легендарного адмирала Ямамото, это удалось обставить как фатальное совпадение. Именно обеспечением прикрытия для криптографов занимался отряд сержанта Боба Шафто, самого противоречивого и самого живого из персонажей Нила Стивенсона. Одной истории любви, скитаний и смерти Бобби хватило бы на целый телесериал.

События, описанные в другой части романа, происходят в наше время. Небольшая, но чрезвычайно энергичная американская фирма ставит перед собой цель создать в султанате Кинакута, что неподалеку от Филиппин, Крипту, зону абсолютной информационной свободы, своего рода банк, в котором может храниться неподцензурная информация любого содержания, объема и предназначения. Клиентами Крипты должны стать не только хакеры, террористы, параноики всех мастей и прочие представители "информационного подполья", но и вполне солидные корпорации, надеющиеся таким образом укрыть свои тайны от недремного ока правительства. Впрочем, у основателя фирмы, слегка помешанного на Холокосте, планы куда более глобальные и далеко идущие, что выясняется ближе к финалу романа. Основная же задача создателей Крипты, на первый взгляд, прямо противоположна той, что стояла перед криптографами Второй Мировой. Если Тьюринг и Уотерхауз стремились взломать вражеский шифр, используя малейшую математическую лазейку, то их современные коллеги стараются любым путем защитить информацию, составляющую основной капитал компании. Герои "Криптономикона" словно играют гигантскую шахматную партию (два десятка страниц романа занимают формулы и графики), ставкой в которой оказывается их собственная жизнь. Но на самом деле это различие кажущееся: человек, взламывающий чужую криптосистему, рано или поздно начинает думать так же, как и ее создатель, особенно если это по настоящему сложный и хорошо продуманный код. Если для кого-то криптосистема — стена, разделяющая людей, то для Нила Стивенсона, трогательно и несколько старомодно верящего в Прогресс, это мост, соединяющий схоже мыслящих представителей самых разных народов.

В отличие от некоторых киберпанков "первой волны", Стивенсон не пытается встать в позу ветхозаветного пророка, сурово осыпающего паству мрачными откровениями. Сохраняя серьезность в главном, не впадая в пустое ерничанье, ко многим вещам писатель подходит с неприкрытой иронией. С большим скепсисом он относится, в частности, к постмодернистской парадигме, занимающей слишком много места в современной западной культуре. "...Постмодернистские, политкорректные атеисты, — рассуждает резонер-компьютерщик, — это люди, внезапно оказавшиеся у руля большой и неизмеримо сложной компьютерной системы (общества) без документации и руководств. Они теряются при всяком отклонении от того, что считают нормой, поэтому вынуждены придумывать и с неопуританским рвением поддерживать определенные правила. Люди, вмонтированные в церковь, похожи на сисадминов, которые хоть и не понимают всего, но у них есть документация, FAQ и файлы "readme" с указанием, что делать в случае сбоев. Другими словами, они способны проявлять смекалку." При этом сам Нил Стивенсон охотно использует повествовательные приемы, обкатанные писателями-постомдернистами, так что в данном случае мы имеем дело отчасти и с самоиронией.

Стивенсон обрывает повествование накануне выхода Крипты на проектную мощность, задолго до того, как ее существование успело оказать какое-либо влияние на человеческую цивилизацию. Логично было бы предположить, что в следующей книге автор продолжит историю становления "информационной Швейцарии" — но Нил Стивенсон не столь предсказуем. Вместо того, чтобы закрепить и развить успех на этом направлении, в следующем романе он обратился к предыстории, уходящей корнями в викторианскую эпоху и еще более глубокое прошлое. Среди героев Стивенсона вновь оказываются величайшие математики своего времени, а также мистические фигуры вроде подозрительно живучего священника Еноха Роота. Три тома, каждый из которых по объему приближается к "Криптономикону", уже переводятся на русский язык. При всем уважении к классикам киберпанка, ни один из них не подкидывал своим переводчикам задачу такого уровня сложности. Надеюсь, Елена Доброхотова-Майкова справится с ней не менее успешно, чем с этой книгой, под завязку напичканной математическими и компьютерными терминами.

(С) Василий **ВЛАДИМИРСКИЙ,**
Санкт-Петербург, Россия

Дикие карты

Сборник под ред. Джорджа Р.Р.Мартина "Дикие карты", книга 1
Издательство: Эксмо, Домино, 2005

До того, как стать известным во всем мире автором фэнтези–эпопеи "Песнь льда и пламени", от которой лихорадит поклонников жанра, Дж. Мартин не только успел поработать в Голливуде и получить Хьюго и Небьюлу, но и создал концепцию, флаг, под которым собрались самые разные личности. Этим флагом является идея о вирусе "дикой карты", обладающем непредсказуемыми последствиями и разделившем людей на тузов, эдаких людей–Х, наделенных удивительными способностями вроде телекинеза или умения становиться невидимыми, и джокеров, из которых генетические изменения сделали уродов, инвалидов или чудовищ. И тузы, и джокеры живут бок о бок с обычными людьми, участвуют в политических играх, пытаются отстоять независимость или же борются со своими новыми способностями, далеко не всегда поддающимися контролю. Своеобразная альтернативная история с вилкой в конце сороковых, в момент войны с немцами. Сам вирус был занесен на Землю инопланетянами и прибыл почти одновременно с доктором Тахионом, который пытался помешать проверке вируса на землянах, но не успел да так и остался в городе, стараясь помочь джокерам. В основе "Диких карт" лежит увлечение Мартина комиксами и настольными играми; это необычная колода, мозаика из рассказов, авторство которых принадлежит авторам от маститых до совершенно отечественному читателю неизвестных.

Впечатление от сборника двойственное. С одной стороны, идея настолько хороша, что плохо обыграть ее трудно. К тому же изданная ранее "Эксмо–пресс" книга "Джокер", в которую входит четыре новеллы из цикла "Wild Cards", принадлежащих перу Желязны, серьезно раззадорила и высоко подняла планку. С другой стороны, "Дикие карты" — сборник весьма неровный, а местами скучный. Соседство разных писателей дает кривую с горками и провалами, на которой интерес периодически серьезно ослабевает, причем вовсе не обязательно падение графика лежит на совести авторов малоизвестных. Кого же можно увидеть в антологии? Интересная и мощная новелла про Кройда Кренстона от Роджера Желязны соседствует с творением неудавшейся сценаристки Мелинды М. Снодграсс, представляющей доктора Тахиона в роли соблазнителя а–ля женский роман со всеми прилагающимися атрибутами ("оборки ее шелковой юбки нежного персикового оттенка скользнули по его ногам, и волоски на них моментально стали дыбом"). Виктор Милан, автор нескольких романов из серии "BattleTech", предлагает свои фантазии наряду с членом киберпанкового "Движения" Луисом Шайнером. Открывает "Дикие карты" Говард Уолдроп, один из так называемых "фантазеров в законе", "outlaws fantasists", славящихся своими буйными идеями. Однако в "Диких картах" Уолдроп вводит читателя в суть дела, описывая сброс вируса на Бродвей, и его рассказ является необходимой заглушкой. Настроение сродни "Возвращению" Ремарка и обилие названий американских кинокартин вряд ли смогут завести настроившегося на действие читателя. Яркими звездами сборника сразу же можно назвать рассказ "Спящий" Желязны, в котором Кройд изменяется после того, как засыпает, становясь то джокером, то тузом; историю о "Великой и Могучей Черепахе самого Мартина, атмосферно и интригующе рассказывающую о парнишке, решившем стать героем, и, пожалуй, "Долгую темную ночь Фортунато", где Шайнер несколько выпал из общего настроения "Диких карт", нарисовав полную секса и тоски картинку. Оваций заслуживает и "Страх и ненависть в Джокертауне", отлично копирующая стиль доктора Хантера Томпсона. Что касается остальных вещей, то впечатления колеблются от двойственных до совсем неприятных.

Все рассказы в той или иной степени пропитаны детективным духом, напоминающим Микки Спиллейна или Чейза, ощущением близости "холодной войны", политической интриги, общественными переменами. Многие авторы уделяют внимание проработке политической линии, состыковке придуманных личностей и реальных событий, мастерят хитрый коллаж из известных лиц и умело вкрапленных туда тузов и джокеров. Множество мутантов, их судьбы переплетаются с именами президентов и министров, а залихватски нарисованные бары, в которых погибают изуродованные джокеры, соседствуют с квартирами политиков. Несмотря на разницу в качестве, каждая из вещей привносит в картину свой штрих и передает эстафету, развивает ее, однако сами сюжеты зачастую на редкость банальны. Любопытен рок–музыкант Король Ящериц Милана, забавна история о человеке–мутанте в подземке, одновременно трагичен и саркастичен, хотя и чрезмерно политизирован рассказ о тузе–предателе Уильямса, но все это ощутимо не добирается до уровня выделенных выше лидеров, а потому делает прочтение сборника, скорее, трудом или желанием поставить галочку в списке, чем удовольствием. Советую лучше купить "Джокера" издания того же "Эксмо".

МОР

ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ

В США будет создана полнометражная киноверсия поэмы Джона Мильтона "Потерянный рай" о войне Люцифера против Бога и об изгнании первых людей из Рая. Две кинокомпании — Hyde Park Entertainment и Vincent Newman Entertainment — договорились о совместной работе над сценарием картины.

В поэме Джона Мильтона "Потерянный рай", впервые опубликованной в 1667 году, рассказывается история восстания Люцифера против Бога, жизни Адама и Евы в Эдеме и изгнание их из него. Люцифер в "Потерянном рае" — самый многогранный и сложный персонаж, которому автор в известной степени сочувствует. Литературоведы XIX и начала XX века полагали, что ангельское воинство, война и поражение сатаны в поэме — это метафорические изображения Гражданской войны в Англии в XVII веке.

По мотивам поэмы были написаны балет (М.Констана) и опера (Кшиштофа Пендерецкого), ставились многочисленные спектакли. За экранизацию самой поэмы не брался еще никто, хотя отдельные темы из "Потерянного рая" использовались в кино неоднократно.

Патриот

Издательство "Эксмо" выпустило уже больше 20 книг Терри Пратчетта. И на форзацах этих книг всегда можно прочесть, что они "и хорошие, и смешные, и добрые. Единственный их недостаток — они еще и умные". К очередной книге про Ночную Стражу "Патриот" это относится в полной мере. "Патриот" — более "умная" книга, чем "смешная". Поэтому любителям развлекательного чтива ее покупать не рекомендуется. А вот людям, которые предпочитают почитать что–нибудь злободневное, "Патриот", скорее всего, придется по душе.

Как и раньше, Ночной Страже приходится бороться с вопиющим нарушением общественного порядка. И в самом деле, что способно нарушить его грубее, чем война? А без войны не обойдется, коль скоро между Анк–Морпорком и Клатчем из пучины морской нежданно поднялся остров Тузла... Простите, Лешп, конечно же.

"Патриот" — страшная книга. Прежде всего тем, что, читая ее, трудно найти виноватых. У каждого своя правда, свои аргументы. И, пытаясь разобраться в хитросплетениях всех этих правд, запутываешься еще больше. Кто же он — пресловутый патриот? О ком книга? Кого поднимать на щите, а кого на копьях? Вопросы в большинстве своем останутся без ответа. Но, может быть, именно эти вопросы помогут не развязать войну, когда очередная Тузла встанет между двумя державами?

Терри Пратчетт не зовет читателя в увлекательное путешествие. Терри Пратчетт не смеется больше — он ухмыляется жестко, протаскивая читателя по грязи. Слово "политика" звучит на страницах "Патриота" значительно чаще, чем может позволить себе обычная фантастическая книга.

Но когда Терри Пратчетт писал обычные фантастические книги?

Мария ВЕЛИКАНОВА, Киев, Украина

ЕЩЕ ОДИН КОНКУРС ЗАВЕРШИЛСЯ ПОБЕДОЙ НАШЕГО АВТОРА!

12 ноября завершился конкурс "Бес Сознательного–3", единственным арбитром которого был Олег Дивов. Играли шестьдесят рассказов, написанных на заданную арбитром тему: "Жизнь после смерти. Взаимоотношения живых и умерших. Место мертвых в жизни живых". Победителем стал рассказ "Белые начинают и выигрывают", написанный в соавторстве Татьяной Апраксиной и ее мужем Станиславом Барышниковым. Татьяна хорошо известна нашим читателям — в нашей газете публиковались ее рассказ "Сектант" и статья "Фанфик, плагиат, случайность?".

По материалам Интернет-источников

НОВЫЕ КНИГИ

В декабре издательство "Альфа-книга" планирует выпустить книги К.Алейникова "История оборотня", Р.Злотникова "Герцог Арвендейл", О.Таругина "Предел возможностей", П.Корнева "Лед" (все — серия "Фантастический боевик"), А.Белянина и Г.Черной "Хроники оборотней", И.Минакова "Можно, я попробую еще раз?!", А.Чернецова, В.Лещенко "Серебряный осел", Х.Поштакова, А.Белянина "Меч, магия и челюсти" (все — юмористическая фантастика). В серии "Магия фэнтези" этого издательства выйдут книги В.Иващенко "Танцующее пламя", Е.Самойловой "Чужой трон", Э.Климовой "Никто и никогда". Также читателей ждут очередные допечатки книг А.Белянина.

Издательство "Форум" планирует в декабре выпустить такие фантастические книги: С.Челяева "Новый Год плюс бесконечность" и Е.Певушиной "Стертые буквы". Кроме того, на декабрь перенесена публикация книги М.Галиной "Хомячки в Эгладоре".

Авторы года

Итак, 2005 год закончен, и мы подводим итоги. Как, должно быть, помнят наши постоянные читатели, в 2006 году будет вручена премия лучшему автору "Просто фантастики" 2005 года. И выбирать его на этот раз будут сами читатели.

Поэтому мы публикуем список всех авторов, напечатавших свои рассказы в нашей газете в уходящем году. А читателей просим выбрать из них лучшего и сообщить о своем решении нам. Напоминаем наши координаты: адрес редакции (Киев, пр. Победы, 50, "Новая интересная газета") с обязательной пометкой "Для блока "Z", электронный адрес prosto_f@ukr.net, страничка в сообществе Живого Журнала по адресу http://www.livejournal.com/community/prosto_f/, а также на сайте zhurnal.lib.ru (ссылка на раздел "Просто фантастики" ведет с его главной страницы).

Январь

С.Пальцун, "Рупрехт, или настоящее немецкое качество"
С.Малицкий, "Окно"
В.Аренев, миниатюры из цикла "Королевская библиотека"
Ю.Остапенко, "Подари мне смерть"
К.Кривцун, "Игра"
А.Лайк, "Рабочие будни"
В.Владимирский, "Каскадер"

Февраль

А.Корепанов, "Конспект"
А.Лайк, "Рупрехт-2, или Истинно арийские нравы"
В.Романов, "A presto, caro mio"
В.Аренев, миниатюры из цикла "Королевская библиотека"
О.Бакк, "Право на любовь"

Март

С.Пальцун, "Мартовская ночь, или Брокkенский козел"
В.Аренев, миниатюры из цикла "Королевская библиотека"
А.Корепанов, "Если не звали"
С.Малицкий, "Дом моей мечты"
Н.Резанова, "Снегурочка"
А.Ли, "Синтезер"
Ю.Остапенко, "Вторая стрела"

Апрель

К.Бекренев, "Природа свое возьмет"
М.Великанова, "Социально неадаптированные"
В.Данихнов, "Дождь"

Май

Д.Детинич, "Пахла трава"
Ю.Остапенко, "Матильда и чужой"
Е.Хайрулина, "Заботливые няньки"

Июнь

С.Пальцун, "Ошибка капитана Саважа"
О.Васильченко, "Коли пересиплеться пісок"
Д.Детинич, "Пророчество"
В.Слюсарь, "Совершенно секретно"

Июль

С.Паранг, "Эвакуация"
П.Войналович, "Туман"
П.Войналович, "Шакал"
А.Леннокс, "Сказочка про желтого муравья"

Август

С.Бескаравайный, "Неудачное превращение"
О.Бакк, "Рыбалка в ночь на Ивана Купала"
С.Пальцун, "Темная лошадка"

Сентябрь

В.Матюшкин, "Не по Сеньке шапка"
С.Кайманов, "Игры для взрослых"
Д.Сокова, "Начало"
В.Малахова, "Люди"
А.Бор, "Чужой"

Октябрь

Т.Апраксина, "Сектант"
М.Парфенова, "Билет на клетчатую крышу"
А.Береза, "Легенда о Ледяном озере"
М.Терин, "Баба Яга & компания"

Ноябрь

Е.Навроцкая, "Порнографический магазинчик"
К.Воронцова, "Восьмой ветер"
Джу-Лисс, "Крыщухи"
М.Рашевский, "Красное на белом"
С.Дильдина, "Оживший кошмаром твоим..."
С.Пальцун, "Ох!"

Декабрь

И.Новак, "Ритм"
А.Рух, "Майя"
Н.Козельская, "Тот, кто бережет"
С.Пальцун, "Красавица и чудовище"
Ш.Врочек, "Оставь последний танец для меня"

Напоминаем, что голосовать следует не за рассказ (рассказы), а за автора.

Редакция

"НОВАЯ ИНТЕРЕСНАЯ ГАЗЕТА" — ЭТО:

A — "Магия, мистика"
Aa — "Магия для семьи"
A+ — "Оракул"
D — "Невероятное"
Dd — "Мир непознанного"
D+ — "Антимиры"
E — "Исцеление"
Ee — "Помоги себе сам"
F — "Для женщин"
Ff — "Хозяюшка"
G — "Загадки цивилизации"
K — "Криминоген"
Kk — "Криминальное чтиво"
L — "Лабиринты любви"
Ll — "Личная жизнь"
R — "Для мужчин"
S — "Special"
X — "Икс-блок"
J — "Тайны истории"
Z — "Просто фантастика"
"Магический кристалл"
"Госпожа удачи"

НОВАЯ ИНТЕРЕСНАЯ ГАЗЕТА ПРОСТО ФАНТАСТИКА Z

"Новая интересная газета. Z. Просто фантастика"
Реєстраційний номер КВ №9521
від 17 січня 2005 р.
№ 12, 2005 р.

Засновник
Ольга КАЦАЙ

РЕДАКЦІЙНО-ВИДАВНИЧА РАДА:
Георгій СИМАКОВИЧ, директор
Юлія СОКОЛОВА, головний редактор
Степан ІВАНУС, відповідальний секретар
Тетяна ГОРЛАЧ, заступник директора по збуту

Видавець:
ТОВ "Атол Прес"

Адреса редакції та видавця: 03047, Київ-47, просп.Перемоги, 50, "Новая интересная газета, "Z"
E-mail: prosto_f@ukr.net

Тел.: (044) 454-82-59
Тел/факс (044) 454-83-66

Комп'ютерний дизайн, верстка і фотоформи - **Степан ІВАНУС**

Коректор
Ірина ПРОЦКО

Друкується мовою оригіналу
За зміст та достовірність інформації відповідальність несе автор (рекламодавець)
Листування з читачами — тільки на шпальтах газети
Рукописи не рецензуються і не повертаються
При передруку посилання на "НИГ" обов'язкове
Ілюстрації не завжди є прямою відповідністю тексту

Віддруковано на комбінаті друку видавництва "Преса України".
03047, Київ-47, пр.Перемоги, 50
Загальний наклад 290000
Зам.№3086228
від 24.11.2005 р.

4 820082 290016

За матеріалами і повідомленнями кореспондентів "НИГ", вітчизняної та зарубіжної преси, мережі Інтернет

Наступний номер вийде у світ 10.01.2006 р.

1234567890